

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ

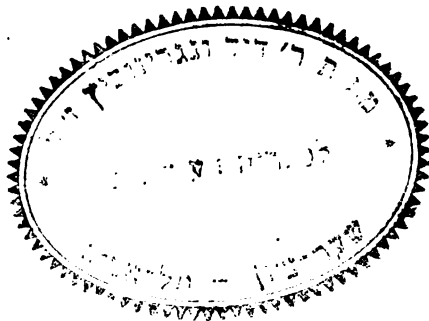
ЧИНГИС-ХАН

ИЗД-ВО
З. И. ГРЖБИНА

ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА-БЕРЛИН

Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ .

ЧИНГИС-ХАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО Э. И. ГРЖЕВИНА
БЕРЛИН * ПЕТЕРБУРГ * МОСКВА
1 9 2 2

1 211731

**Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten**

Copyright 1922 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Типография Шпамера в Лейпциге

Тогда поднялся от Востока
Народ безвестный и чужой.
Владимир Соловьев.

ВСТУПЛЕНИЕ

В XIII веке возникает в отдаленных степях и горах, лежащих на север от Китая, монгольская держава, которая с необычайной быстротой завоевывает целый ряд культурных областей. Империя монголов обнимает огромное пространство Азии, перебрасывается в Европу и своей обширностью превосходит все государства, причем ей удается объединить и связать цивилизации Дальнего и Ближнего Востока. Эта огромная империя, основанная кочевым народом, сохраняет единство, несмотря на то, что была составлена из самых разнообразных элементов, в течение довольно продолжительного времени, а затем, распавшись на части, все-таки, продолжает существовать в виде отдельных государств. Монголы, таким образом, оказали огромное влияние на жизнь всего Старого Света.

Поэтому, нет ничего удивительного в том, что разные культурные народы Азии, которые были покорены монголами или вошли с ними в соприкосновение, заинтересовались судьбой этого «безвестного и чужого» племени и его грозного вождя — Чингис-хана. У китайцев, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Армении и Грузии появляется ряд сочинений, которые описывают нам возникновение монгольской кочевой империи, рассказывают нам о нашествии монголов на те или другие области и повествуют нам о великом завоевателе Чингис-хане. Вот эти то произведения восточных писателей и являются для нас источником наших сведений о личности Чингис-хана и монголов XII-го и XIII-го века. Не все восточные писания о повелителе монголов могут быть признаны достоверными историческими источниками. К ним мы должны относиться так же, как и к произведениям европейских писателей, должны подвергать их строгой критике и делать тщательный выбор, внимательно изучая каким образом и при каких обстоятельствах было написано то или другое восточное историческое сочинение. Принимая подобный метод исследования источников истории монголов, истории Чингис-хана, европейские ученые востоковеды пришли к заключению, что важнейшими источниками, на основании которых мож-

но восстановить историческую истину о личности Чингис-хана, о его времени и его завоеваниях, являются следующие :

1) Обширный труд персидского писателя Рашид-ад-дина «Сборник летописей», составленный в начале XIV века на основании официального монгольского предания и рассказов хранителей и знатоков монгольской старины.

2) «Сокровенное сказание о монгольском народе», записанное в XIII веке в Монголии и обнародованное в XIV веке в Китае.

3) Официальная история монгольской династии в Китае, составленная в XIV веке на китайском языке.

4) Сочинения мусульманских историков современников монгольского нашествия : а) арабская «Хроника» Ибн-аль-Асира, составленная в Месопотамии ; б) «Насировы таблицы» Джузджани, который жил в Афганистане и написал свое историческое произведение на персидском языке в Индии в 1260 г. ; в) персидская «История завоевателя мира» Джувейни, написанная в 1260 году. Джувейни был моложе Джузджани, но он, все-таки, жил еще в эпоху единства Монгольской империи и имел возможность посетить Туркестан и Монголию и воспользоваться монгольскими источниками, как устными, так, быть может, и письменными.

5) Записки китайских путешественников —

современников Чингис хана: генерала Мэнхуна и даосского монаха Чан-чуня.

Из этого обзора видно, что сами монголы имели когда то письменные исторические памятники, записанные «сказания» и «предания», которые, будучи проверены свидетельскими показаниями других авторов, дали бы нам важнейший материал для жизнеописания Чингис-хана и его эпохи. К сожалению, большинство этих источников погибло, и мы знаем о них только потому, что о них упоминают, или ими пользуются китайские и мусульманские историки. Поэтому, совершенно исключительный интерес вызывает «Сокровенное сказание о монгольском народе» — это произведение богатырского эпоса, обработанное с заданием служить эпопеей — историей Чингис-хана и его сподвижников.

Наконец, европейские путешественники XIII века, посетившие Монголию, Плано Карпини, Рубрук и Марко Поло, если не собрали важных исторических сведений о Чингис-хане и его времени, то дали хорошие описания стран, нравов и обычаев, виденных ими народов, описания, которые чрезвычайно важны для восстановления в истинном историческом свете век монгольских завоеваний

На основании всех этих и других источников целый ряд европейских и восточных писате-

лей составлял разные сочинения по истории монголов, по истории Чингис-хана. Из ряда этих сочинений, которые мы должны считать пособиями, особое значение имеют «История монголов» Д'Оссона (на французском языке) и работы академика В. В. Бартольда, например, его «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Несмотря на то, что о монголах и о великом их предводителе Чингис-хане писали представители различных народов, завоеванных монголами, или с которыми они входили в сношение, и оставили нам ценные источники, все-таки, в нашем распоряжении имеются довольно скудные данные о жизни грозного завоевателя, о его личности, о чувствах и идеях, которые его одушевляли. Происходит это от того, что ряд важных источников до нас не дошел, например, «Постановления Чингис-хана», его знаменитая Яса (Джасак); и от того еще, что многие источники, первостепенного значения, до сих пор остаются неизданными, непереуведенными и неизученными. Тем не менее, пользуясь вышеуказанными источниками и пособиями, можно, хотя бы и в общих чертах, восстановить историческую истину о личности Чингис-хана, этом «гениальном дикаре», создавшем железную империю, которая оказала такое влияние на жизнь всего мира.

I.

МОНГОЛЫ XII-го ВЕКА

В XII веке пространства, лежащие на север от Китая и Восточного Туркестана, составляющие теперь южную полосу Сибири и Монголию, были населены разными племенами кочевников и звероловов. Большинство этих племен принадлежало к монголам, но в ту пору они сами себя еще не называли монголами. Впоследствии все они приняли это имя, монголами же называют себя и их потомки, сохранившиеся до сих пор, монголами же их, разумеется, называет и европейская наука, причем на основании разных этнографических признаков, по языку, например, признает монголов народом, родственным туркам (тюнкам) и манджуро-тунгузам.

В XII веке племена, пастушеские и звероловные, которые впоследствии стали называться монголами, жили родовым строем, разбитые на отдельные рода (омук), которые, в свою очередь, делились на кости (ясун). Иногда отдельные

родственные роды об'единялись между собой и образовывали особое племя, народец (улус). Такие об'единения происходили под влиянием самых разнообразных обстоятельств и принимали разную форму. Так, иногда монгольские роды и целые племена об'единялись в одно политическое целое каким либо выдающимся вождем, или родом, приобретшим по той или другой причине особую силу и влияние. Иногда родственные рода образовывали племенные союзы, которые могли и не выливаться в определенные юридические формы; принадлежность к тому или другому родовому, или племенному союзу выявлялась в сознании родства, в сознании, единства наречия, в общности преданий и установлений. Кем являлся отдельный член, отдельная семья или кость по отношению к роду, тем этот самый род являлся по отношению к племени (улус) или племенному союзу (эль).

Монгольские роды и племена делились на степные, кочевые и лесные, звероловные. Те и другие говорили на разных наречиях одного и того же монгольского языка и отличались друг от друга, главным образом, условиями своего существования, степенью своей культурности. Повидимому, в XII веке, по крайней мере, у всех этих племен не было сознания единства своего происхождения, не было представления о себе, как об единой национально-

сти, как и не было одного общего народного названия. Во главе родов, в особенности родов кочевых, стояли аристократические семьи, выдвигавшие отдельных предводителей, которые носили различные титулы: багатур, т.е. богатырь, сечен — мудрый, бильге — мудрый, тай-дзи — принц, ноян — князь, воевода. Многие роды стали известны своим древним аристократическим происхождением; роды эти быстро разветвлялись, образуя новые роды и кости, потому что богатыри и воеводы, багатуры и нояны, не желали стеснять себя, искали себе подданных и подчиненных, с помощью которых они могли бы кочевать отдельно и независимо в привольных степях. Монгольская степная аристократия, в лице своих аристократических родов, багатуров и ноянов, больше всего стремилась к тому, чтобы иметь удобные места для кочеванья (нутук, турецк. юрт) и достаточное количество вассалов, подданных и рабов, которые ходили бы за скотом и прислуживали бы в аристократических ставках. Монгольское общество XII века разделялось, значит, на три класса: класс степной аристократии, простонародье, которое называлось арат, или старым, еще турецким словом, карачу, и, наконец, рабы (богул). Предводители отдельных племен и других политических организаций (улус) носили имя хана (кан) — царя, или императора

(каган). Очень часто степные, кочевые ханы и каганы получали титулы от своих культурных соседей, китайцев, например, титул вана. Вообще, благодаря влиянию более цивилизованных народов, живших по соседству с монгольскими кочевниками, или когда то обитавших в тех местах, где в XII веке оказались монголы, среди последних стали распространяться не только китайские титулы вана и тайдзи, но и тангутско-тибетские в роде гам-бо или джа-гам-бо, а также турецкие — тегин, бильге и другие. Лесные народы (ой-ин игрен) имели, повидимому, уже не такую сильную аристократию; часто, во главе их родов становились шаманы, волхвы, общавшиеся, по их представлениям, с духами. Такие шаманы-предводители носили титул беки; титул этот носили иногда и аристократы степных кочевников.

Из монгольских племен и родов в XII веке выделялось племя Татар, которое кочевало на крайнем востоке областей, занятых монголами, около озера Буир-нур. Другое большое племя, Керейт, жило между горами Хангай и Кентей, на реках Орхоне и Толе; а между Хангайскими горами и Алтаем и на отрогах Алтая обитали найманы. По соседству с этими племенами жили другие монгольские народцы и роды, да и сами эти племена, Татар, Керейт, и Найман, делились на отдельные поколения, роды и кости.

Так как племя Татар было многочисленно и в XII веке приобрело большое значение, то представители многих родов и даже племен монгольских при сношениях с чужеземцами называли себя известным и славным именем Татар, не употребляя свое собственное родовое или племенное название, знакомое только в ограниченных пределах. С подобным явлением, т. е. с принятием наименования могущественного родственного соседа маленьким племенем, которое могло даже находиться с ним во враждебных отношениях, этнографы часто встречаются в разных местах земного шара, например, на Кавказе, на Алтае, в современной Монголии. Рашид-ад-дин очень определенно говорит об этом: — «Ради чрезвычайного величия и почтения их (т. е. татар), другие роды турецкие (т. е. степных кочевых народов монголо-турецкого происхождения), по смешению степеней, разрядов и имен их, стали известны под их именем, и всех называли татарами. И те различные роды поставляли величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем, подобно тому, как в нынешнее время, по причине благоденствия Чингис-хана и рода его — так как они суть монголы, — другие турецкие племена, из которых у каждого было определенное имя и собственное прозвание, все называют себя

монголами». Вот, благодаря этому то обстоятельству, имя татар было разнесено по всему миру и сами монголы стали известны вначале в Азии, а потом и в Европе под именем татар; впоследствии, название это было отнесено европейцами к народам, которые были покорены монголами и, в качестве подчиненных монголам, участвовали в их завоевательных походах; таким образом, у нас некоторые турецкие (тюркские) племена до сих пор именуются татарами, тогда как с «настоящими» татарами они не имеют ничего общего.

В XII веке между татарами и кереитами по рекам Онону и Керулену обитало много кочевых и звероловных племен и родов, среди которых в ту пору возвысился род Монгол настолько, что предводитель их Кабул принял титул кагана и совершал отдаленные походы и набеги на Китай, где властвовала тогда инородческая — джурдженская династия, известная под китайским названием Цзинь, т. е. Золотой; сын Кабул-хана, Котула, тоже носил титул кагана, воевал с Цзиньцами и прославился за свое богатство. Повидимому, этот аристократический род Кабул-хана носил имя Борджигин и принял название Монгол после того, как подчинил себе и об'единил несколько соседних родов и племен, образовав, таким образом, единое политическое целое, один народ — улус; этому то улусу и

было дано имя Монгол в память славного имени какого то древнего и могучего народа, или рода, о котором знали из старинных сказаний.

В половине XII века могущество улуса Монгол было сокрушено татарами, которых Цзиньцы искусно использовали в своих целях, чтобы поскорее избавиться от беспокойных наездов начинавшего расти кочевого народа.

II.

РОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ГОДЫ ЧИНГИС-ХАНА.

Около 1155 года на берегу реки Онона, в урочище Делиун-болдак, которое до сих пор носит это название, в семье Есугей-багатура родился мальчик; в правой руке новорожденного дитя держало кусок запекшейся крови, ребенок этот впоследствии и стал известным под именем Чингис-хана. Есугей-багатур принадлежал к роду Борджигин, кости Кият, он был сыном Бардан-багатура, второго сына Кабул-хана; Бардан-багатур был старшим братом Котула-хана. Восточные источники сообщают нам разноречивые сведения об Есугее. По одним известиям он был простым десятником, по другим он стоял во главе почти всех «монгольских» племен. Но, если придерживаться монгольского богатырского «Сокровенного сказания», в общении которого нет ничего невероятного и которое подтверждается, в общем, показаниями

других источников, то получается совершенно иное представление об отце великого завоевателя. Есугей-багатур был настоящим степным аристократом; повидимому, его братья, старший — Некун-тайдзи, и младший — Дааритай-отчигин, кочевали вместе с ним и признавали его своим главой; были у него подчиненные простолюдины и рабы, некоторые родственные рода Тайчиут тоже следовали за ним, так что он мог собирать всегда достаточное количество людей, с которыми совершал набеги и наезды, и мог быть более или менее спокоен за судьбу своего стойбища. Есугей был не только знатного рода, но и удалец и не даром носил прозвище богатыря; благодаря этому качеству он, конечно, и приобрел влияние в степи.

Ему удалось отбить при помощи своих братьев у одного человека из племени Меркит, которое обитало в местности на север от керейтов, невесту, которую тот вез к себе домой из племени Олкунут; звали ее Оелун, Есугей сделал ее своей главной женой, впоследствии ее стали величать Оелун-еке, т. е. матушка Оелун, или Оелун-фуджин — царица Оелун.

Как раз, когда у нее родился старший сын, муж ее, Есугей-багатур, вернулся из похода на татар, с которыми ему часто приходилось биться, оказывая помощь своим родственникам, в том числе и Котула-кагану. На этот раз на-

бег монголов увенчался успехом, и Есугей вернулся домой, захватив двух татарских пленников, старшего из которых звали Темучином. По старому турецко-монгольскому обычаю, нарекать имена по наиболее бросающемуся в глаза явлению при рождении, сыну Есугей дал имя Темучини. Потом у Есугея-багатура и Оелун родилось еще три сына: Джучи-Касар, Качиунильчи и Темуге-отчигини и одна дочь Темулун. У Есугея была еще одна жена, от которой он имел двух сыновей: Бектера и Бельгугея.

Когда Темучини исполнилось девять лет, отец его решил подыскать ему невесту. В ту пору монгольские племена все жили родовым строем, приобщенным клятвами, то есть требовавшим от чуждой стороны рода, чтобы они женились на темужах или жемчицах не своего а другого рода, потому что не захотели с ним в близком родстве. В виду этого старались посто-

кам своей жены, то есть к племени Олкунут, которые, повидимому, ничего не имели против того, чтобы одна из их девушек досталась не меркитам, а одному из представителей монголов-Борджигинов, потому что Олкунуты давно состояли в согласии относительно сватовства с народами, объединившимися при Кабулхане под именем монголов.

На пути Есугей-багатур встретил Дай-сечена, принадлежащего к племени Хунгират, ветвью которого были и олкунуты. Узнав, зачем едет Есугей-багатур, Дай-сечен, который обратил внимание на наружность молодого Темучина, предложил багатуру, рода Кият-Борджигин, захватить к нему и посмотреть, не годится ли в жены его сыну его дочь, красавица Борте. Есугей согласился и отправился с Темучином к стойбищу Дай-сечена. Борте, которой было тогда десять лет, — она была, значит, на один год старше Темучина, — произвела такое хорошее впечатление на Есугей-багатура, что он на другой же день стал просить отдать ее в жены Темучину. Получив согласие, Есугей-багатур поднес в качестве свадебного подарка свою заводную лошадь Дай-сечену и оставил у него Темучина жить, как будущего зятя (курген), чем совершенно определено, по монгольским обычаям, подтвердил свое решение породниться с домом Дай-сечена. Племя Хунгират обитало

на пространствах между племенем Онгут, жившим около Великой китайской стены и татарами, на восток они граничили со старыми землями киданей, которые когда то завоевали Китай. Благодаря своему географическому положению, хунгираты находились под большим влиянием китайской культуры, чем другие монгольские племена, жившие в более отдаленных местах, и вместе с онгутами считались китайцами белыми, то есть «цивилизованными» татарами. Возможно, что легенда о долговременном пребывании Темучина в Китае возникла, благодаря тому, что ему пришлось попасть в хунгиратам.

Впрочем, Темучин в качестве будущего зятя оставался в доме Дай-сечена очень недолгое время. Произошло это вот почему. Возвращаясь к себе, отец его, Есугей-багатур, встретил на пути татар, собравшихся на пиршество. Захотелось ли ему подкрепить свои силы, или выполнить монгольский обычай, требующий, чтобы каждый, случайно встретившийся, принимал участие в пирушке, но только Есугей-багатур остановился у тех татар. Татары узнали его и, злобствуя на него за его прежние наезды на их сородичей и в особенности на пленение двух их представителей, подмешали яду в угощение, которым поподчивали Есугей багатура. Продолжая далее свой путь, Есугей почув-

ствовав себя плохо, а вернувшись домой он понял, что его отравили татары и что ему не сдобровать. Есугей-багатур призвал тогда своего приближенного Мунлика, сына старца Тадай-Чарага, рассказал ему о том, что с ним сделали татары и, предчувствуя свою близкую кончину, поручил ему заботиться о своей семье; вместе с тем он поручил ему как можно скорее привести от хунгиратского Дай-сечена его старшего сына Темучина. Вскоре после этого Есугей-багатур скончался, около 1165 г.

Мунлик тотчас же отправился исполнить предсмертную волю Есугей-багатура; явившись к Дай-сечену и боясь каких-либо осложнений, он не сказал ему ничего об отравлении и кончине своего багатура, а заявил только, что Есугей-багатур прислал его за Темучином потому, что сильно стосковался по своему первенце. Дай-сечен согласился отпустить своего будущего зятя, но вместе с тем требовал, чтобы он скорее возвращался к нему обратно. Темучин вместе с Мунликом, которого после завещания Есугей-багатура стал величать эчиге — отец, прибыли к родному стойбищу.

Вскоре после этого для Темучина и для его ближайших родственников, для его матери и братьев, начинаются тяжелые годы и дни всяких невзгод, лишений и бедствий. Несколько раз судьба приводила Темучина на край гибели,

но всякий раз обстоятельства неожиданно складывались так, что ему удавалось выйти благополучно из беды. Все это должно было оставить глубокий след на душе мальчика, потом юноши. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что даже в самой ранней юности Темучин гораздо больше проявил в трудных обстоятельствах выдержки, сметливости и осторожности, чем храбрости, не говоря уже о безумной отваге. Так, с ранних лет обнаруживается у него качество, которое, повидимому, делается его отличительнейшей чертой, — выдержка.

События же развивались так. Когда Есугей-багатур умер, родители его, стоявшие во главе племени Тайчиут, Таргутай-Кирильтук и Тодоян-Гирте, дети Анбагай-кагана, почувствовали, что теперь, по смерти такой яркой личности, какою был Есугей, для них открывается возможность более привольной и самостоятельной деятельности. В этом направлении их подталкивали и вдовы Анбагай-кагана, которые поссорились с Оелун. Тайчиуты, наконец, решились покинуть семью Есугей-багатура, скочевать и бросить ее на произвол судьбы.

Когда они поднимались со своими стойбищами, старик Чарага начал было их уговаривать, но тайчиуты не послушались и даже ранили старца Чарага копьём. Оелун была женщина умная и решительная. Она собрала было

небольшое количество оставшихся при ней людей, подняла знамя со знаками Есугей-багатура и погналась за уходившими. Ей удалось даже заставить вернуться часть народа; но, оказалось, дела поправить было уже невозможно; богатыря в живых уже не было, сыновья его были малолетни, а женщине, несмотря на всю ее энергию, ничего невозможно было сделать. Вскоре Оелун с детьми оказалась покинутой всеми, не только родичами, тайчутами, но и другими родственниками; бросили ее также и вассалы и рабы, которых когда то собрал Есугей-багатур. Повидимому, даже Мунлик, которому было поручено заботиться об осиротелой семье, покинул Оелун и откочевал в сторону. С вдовой Есугея остались только ее дети, вторая жена Есугея-багатура со своим потомством, да несколько женщин — прислужниц.

Покинутая семья не могла уже вести скотоводческого хозяйства, да и скота у нее осталось слишком мало. Но Оелун не впала в отчаяние, она продолжала воспитывать своих сыновей, прививая им воззрения степной аристократии, внушая им, что они по праву принадлежат к этому классу и потому должны прилагать все старания, чтобы подняться и выйти из создавшегося тяжелого положения. Повидимому, именно от своей матери Темучин слышал

старые предания и сказания о своем роде, о мудрой праматири (эмеген) Алун-гоа и легендарном прадеде (эбуген) Бодунчаре, родоначальнике поколения Борджигин. Тогда же Темучин мог слышать рассказы и о более близких временах, временах тоже славных для его родичей и предков, о Кабул-хане, Анбагай-хане, замученном Цзиньцами в Китае, и о знаменитом богатыре Котула-хане. Оелун-еке была мудрой женщиной и хорошо знала «древние слова».

Детям Есугея-багатура приходилось уже не пасти табуны коней, не распоряжаться пастухами овец, а заниматься мелкой охотой и рыбной ловлей; не брезгали они также и диким луком, чесноком и другими растениями. С точки зрения степняка-скотовода такое существование было самым жалким.

Между тем, Темучин и его братья стали подрастать и сделались уже юношами. Темучин отличался высоким ростом, блестящими глазами и даровитостью, хотя уступал по силе своим братьям Касару и Бектеру. Тогда, в ранние годы его юности, проявилась у него уже та черта характера, которая потом развилась вполне: властность. Не терпел он также, чтобы лишали его чего-нибудь, что он считал принадлежавшим ему по праву. Вот эти то стороны его натуры и толкнули его на братоубийство, хотя, повидимому, Темучин в моло-

дости совсем не отличался бессердечием и кровожадностью. Рассказывают, например, что он, узнав о том, что старик Чарога ранен тайчутами, пошел навестить его. Увидев тяжело раненого слугу своего отца, Темучин заплакал.

С некоторого времени Темучин и Касар стали замечать, что их сводные братья Бектер и Бельгудей начали отбирать у них охотничью добычу. Они пожаловались было своей матери, но Оелун-еке наставляла их не заводить ссор между братьями: — «У нас, кроме собственной тени, нет друзей; кроме конского хвоста, нет плети», повторяла она и напоминала о том, что надо готовиться мстить тайчутам. Тогда Темучин и Касар пошли и, подкравшись к Бектеру спереди и сзади, застрелили его. Этот бесчеловечный поступок вызвал сильный гнев Оелун-еке, но сам Темучин, повидимому, не очень беспокоился о случившемся; так же легко к убийству отнеслись и другие, например, мать и брат Бектера. В то время постоянных родовых междоусобиц и наездов люди привыкли к убийствам даже и в среде одной и той же семьи и не смотрели на убийцу, как на преступника. Сварливость и драчливость, порождаемые условиями родового аристократического строя и отсутствием правовых норм, царили тогда везде в монгольских кочевьях; особенно славились в этом отношении татары.

III.

ЮНЫЕ ГОДЫ. ЖЕНИТЬБА ЧИНГИСА

Через некоторое время произошло событие, которое заставило Темучина задуматься о многом, задуматься о своей судьбе и почувствовать, что над ним высю его личностью и волей возвышается сила Сверхъестественно Неба, которое не так мстительно мстит, как высшее общество в ряду других существующих богов и людей, но только оно по своему существованию имеет свою Сверхъестественно Неба Милость (Тенгри).

Сверхъестественно Неба Милость услышала, что Темучин не так Сверхъестественно Неба Милость и что старший его сын Батум, каровит, выводит мучения. Тогда как бы из него не вышло столько мучения как его жена и для него мучения не были мучения Темучина. Тогда как бы мучения не появились сразу на старшего сына Батум, мучения появились в мучениях и мучениях: как мучения в мучениях мучения мучения и мучениям.

скалы; Бельгудей стал рубить деревья и устраивать засеку, а искусный стрелок Касар начал метить стрелы в выстрелы. Тогда тайчуты закричали, чтобы их вывели Темучина, который один только им и нужен. Услышав это, Темучин в испуге сел на коня и углубился в горный лес. Тайчуты тотчас заметили это, погнались за ним и, не будучи в состоянии проникнуть в чащу, окружили тот лес и стали сторожить все выходы.

Темучин просидел в лесу несколько дней. Два раза собирался он выйти, но два раза замечал он странные явления, которые объяснил себе, как указания Неба, которое воспрещает ему выйти вон и заботится о его судьбе. То ему показалось, что седло странным образом соскочило с коня, которого он вел под уздцы, в то время, как подгрудник и подфедя были застегнуты; то увидел он огромный белый камень, который как раз загоразивал ему путь из чащи. Пробыв еще несколько дней в лесу, Темучин, боясь умереть с голоду, выбрался, все-таки, наружу и был тотчас схвачен тайчутами. На него надели колодку и увезли в стан тайчутов, где его стали держать узником, переводя каждый день из одной юрты в другую.

Весною, 16 числа четвертой луны, тайчуты устроили большой пир на берегу Онона. Сторожить Темучина было приказано одному сла-

III.

ЮНЫЕ ГОДЫ. ЖЕНИТЬБА ЧИНГИСА

Через некоторое время произошло событие, которое заставило Темучина задуматься о многом, задуматься о своей судьбе и почувствовать, что над ним, над его личностью и волей возвышается воля «Вечного Синего Неба», которое он знал, конечно, раньше, знал, как высшее божество в ряду других почитаемых богов и духов, но теперь он по особому почувствовал веления этого «Вечного Неба» (Мэнкэ-Тенгри).

Тайчиутский Таргутай-Кирильтук услышал, что покинутая им семья Есугея-багатура не погибла и что старший его сын подросток, даровит, выглядит молодцем. Боясь, как бы из него не вышел богатырь, опасный для его рода и для него самого, он решил захватить Темучина. Собрав своих товарищей, он произвел наезд на стойбище Оелун. Наезд тайчутов произвел большой испуг и переполох; все бросились в чащу, маленьких детей спрятали в расщелину

сказки; Бельгута стал рубить деревья и
устраивать мосты. А илчунские старцы Кюань
начал искать старца в испещренном тогда так
чужим языком языке на выезде Тонучина,
который один только не и гудежъ Дельгутаго,
Тонучин в испугъ съел лозу и улюбилъ и
горный лес. Табигута тотчасъ самъ же
показался на немъ и не бѣгу и съотычалъ
проникнуть в чащу отыскавъ тогда же в старомъ
спросить въ мѣсто.

Тонучин пришелъ в домъ и выложилъ рюкзакъ
Два раза соображая отъ выстрѣла въ два раза по
мечу онъ старинныя лезвия вынулъ. Уложилъ
себе, какъ уложенныя были вынулъ, вынулъ
ему вынулъ все и вынулъ и вынулъ. То
ему показывалъ въ старомъ старинномъ
основанно с лозы вынулъ. То же вынулъ.
В то время, какъ вынулъ, въ старомъ вынулъ по
старинны; то вынулъ. То вынулъ. То вынулъ по
мечу, который какъ вынулъ. То вынулъ.
на вынулъ. Пробы вынулъ. То вынулъ.
Тонучин, вынулъ. То вынулъ. То вынулъ.
вынулъ, вынулъ. То вынулъ. То вынулъ.
чужими. То вынулъ. То вынулъ. То вынулъ.
станъ табигута. То вынулъ. То вынулъ.
переводъ каждаго вынулъ. То вынулъ.

Весномъ. То вынулъ. То вынулъ. То вынулъ.
устраивалъ большаго вынулъ. То вынулъ.
жель Тонучина. То вынулъ. То вынулъ.

бому парню. Воспользовавшись удобным случаем, Темучин ударил краем своей колодки по голове своего сторожа, сбил его с ног и бросился бежать. Достигнув лесистого берега Онона, Темучин влез в воду и погрузился весь, выставив только наружу лицо.

Узнав, что их узник бежал, тайчиуты бросились его искать повсюду; а была ясная лунная ночь. Сорган-Шира из племени Сулдус, находившийся среди тайчиутов, заметил Темучина и сказал: — «Вот именно за такие твои способности тайчиуты и ненавидят тебя, говоря, что у тебя огонь в глазах и свет на лице. Ты так и лежи, я не укажу.» Затем Сорган-Шира удалось уговорить тайчиутов отложить поиски до утра, о чем он тотчас же уведомил Темучина и посоветовал ему поскорее бежать к своим. Но Темучин, видя, что ему не уйти так с колодкой, прокрался в юрту Сорган-Шира, надеясь получить от него и домашних дальнейшую помощь. Юрту Сорган-Шира Темучин легко нашел по стуку от битья кобыльего молока; он знал уже об этом занятии в доме Сорган-шира, потому что раньше ему приходилось ночевать раз там и встретить хорошее, как к узнику, отношение. Расчеты Темучина вполне оправдались; после некоторого колебания, Сорган-Шира, поддержанный своими сыновьями, Чилауном и Чинбаем, при-

нял Темучина и спрятал его в телегу, прикрыв шерстью; колодку с него сбили.

На следующий день тайчиуты стали обыскивать все юрты стойбища, зашли они и к Сорган-Шира. Они добрались было до телеги с шерстью, под которой был спрятан Темучин, но Сорган-Шира во-время сумел подействовать на них замечанием: — «В такую жару, кто выдержит пролежать в шерсти»? Когда тайчиуты удалились, Сорган-Шира со своими снарядами потихоньку Темучина в путь и отпустил.

Вернувшись к себе, Темучин вместе со всей семьей скочевал к горе Буркан-Калдун, которая была по преданию древним местом кочевков (нутук, юрт) рода Монгол-Борджигин, где они все зажили, добывая себе пищу охотой на сурков и диких мышей. В таких занятиях проходили юные годы человека, перед которым впоследствии трепетали могущественные царства, который, казалось, нигде не мог встретить препятствия для достижения своих желаний.

Однажды какие то воры угнали восемь коней, принадлежавших семье Темучина. Он бросился догонять разбойников на единственной оставшейся лошади, которая сохранилась только потому, что Белгутей ездил на ней на охоту за сурками. Дорогой Темучин повстречал одного бойкого молодого человека, который с необычайной готовностью оказал ему помощь. Этот

бойкий парень был Богурчи, сын Нагу-баяна, рода Арулат. На возвратном пути Темучин заезжал в стойбище Нагу-баяна, который сказал юношам: — «Вы оба, молодые люди, будьте всегда друзьями и впредь никогда друг друга не покидайте». И они, действительно, исполнили завет старика. Привязавшись сразу друг к другу и оценив взаимно друг друга, они на всю жизнь стали близкими друзьями. Богурчи впоследствии сделался одним из первых полководцев и вернейших сподвижников Чингис-хана, который всегда относился к нему с полным доверием, уважением и любовью.

Поездка эта, вообще, повидимому, ободрила Темучина, он почувствовал себя мужем, почувствовал, что может защищать себя и свое добро и что он не совсем одинок. Тогда он решил съездить за своей невестой, сосватанной ему еще в детстве. Он отправился к Дай-сечену в сопровождении своего брата Бельгутея. Дай-сечен не только не отказался от своего слова, но очень обрадовался Темучину и выдал за него свою дочь, Борте. Борте привезла с собой одеяние из черных соболей; состояние Темучина было тогда настолько ничтожно, что появление в его доме этой шубы показалось ему известным событием, которым он и захотел воспользоваться с особой целью.

В ту пору значение рода Монгол пало окон-

дал повод отождествить легендарного попа Иоанна с керейтским ханом. На самом же деле Тогрул-хан керейтский был незначительной личностью; жестокий и коварный, он, несмотря на то, что был очень энергичен, не обладал совершенно качеством, необходимым для того, чтобы успешно стоять во главе кочевого государства. Несколько раз поэтому он попадал в тяжелые положения, из которых ему помогал выйти, между прочим, и Есугей-багатур.

Ван-хан и Есугей-багатур считали друг друга друзьями — названными братьями (анда). Теперь Темучин решил напомнить Ван-хану о себе, чтобы при его содействии, или покровительстве, приобрести лучшее положение.

Тогдашнее же положение Темучина, хотя и было далеко не блестящее, но все-таки заметно улучшилось. Он не был уже брошенным на произвол судьбы отщепенцем. Темучин мог себя чувствовать до известной степени независимым степным аристократом. Действительно, он был знатного рода, стоял во главе семьи, где было два, три удальца, вроде Касара и Бельгутея, был женат достойным образом и имел хотя бы одного вассала — Богурчи. Темучин, возвращаясь домой с молодой женой, послал Бельгутея за Богурчи, с тем, чтобы тот ехал жить к нему. Богурчи, говорят, отправился тотчас же, даже не известив своего отца.

IV.

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧИНГИСА

С собольей шубой поехали к Ван-хану, который стоял тогда на берегу реки Тола, Темучин, Касар и Бельгутей. Ван-хан радушно принял детей своего анды, был доволен подарку и обещал Темучину помочь ему собрать отделившихся от него родичей и других вассалов.

Дома Темучина ожидала новая радость. К нему явился старик-кузнец Джарчиутай, представил ему своего сына Джельме и сказал: «Когда ты родился в урочище Делиун-болдак, я подарил тебе пеленку, подбитую соболем, и отдал тебе сына моего Джельме; но как он был еще молод, то я взял его к себе и воспитал. Теперь отдаю его тебе; пусть он седлает тебе коня и открывает дверь». С этими словами он отдал Темучину своего сына. Это было не только выгодно Темучину и льстило его аристократическому чувству, но и показывало, что он, действительно, начинает становиться коче-

вым владетелем, что до некоторой степени начинается общественное признание его, как истинного степного аристократа.

Немного времени спустя, Темучину пришлось пережить большую передрыгу и познакомиться еще раз с обратной стороной жизни степного владельца. В истории этой Темучин проявил себя осторожным до малодушия; но и на этот раз обстоятельства сложились так, что в конце концов выигравшим оказался Темучин, который умел терпеть и ждать.

Люди трех родов Меркит однажды сделали неожиданный наезд на стойбище Темучина, чтобы отомстить за похищение Есугеем у их сородича невесты; во главе меркитов стоял Токтоа из рода Удуйт-Меркит. В стане же Темучина подумали, что на них опять нападают тайчуиты: все сели на коней; сам Темучин ускакал на гору Буркан-Калдун, даже не обратив внимания на то, что жена его, Борте, осталась без коня. Она была захвачена меркитами, захвачена была также и мать Бельгугей.

Темучин, просидев некоторое время в скрытом месте, послал своих посмотреть, что делается. Когда стало известно, что меркиты уже далеко, он сошел с горы, ударил себя в грудь и воскликнул, обращаясь к небу: — «Гора Буркан защитила мою бедную жизнь; отседе впредь, буду всегда приносить ей жертву и завещаю

моим детям и внукам, тоже приносить ей жертву». Затем Темучин распустил пояс, повесил его себе на шею, снял шапку, повесил ее на руку и, ударя себя в грудь, девять раз преклонил колена и сделал возлияние вином из кумыса. Так монголы чествовали в ту пору свои святыни, выражая сниманием пояса и шапки свое полное подчинение высшей воле, потому что пояс и шапка, надетые как следует, были у монголов как бы показателями личной свободы их владельца.

Отдав дань религиозному настроению, Темучин энергично принялся за восстановление своих прав. Он повел свое дело так искусно, что не только Ван-хан, но и Джамуга-сечен согласились оказать ему помощь и выступили против меркитов, похитителей Борте. Джамуга-сечен был родичем Темучина, принадлежал к роду Джадарат (Джаджират), родоначальником которого был, как и рода Темучина, Бодунчар. Джамуга был человеком очень способным и энергичным; в ту пору вокруг него собралось довольно много вассалов разных поколений и простого народа, следовали за ним, между прочим, и люди, которые должны были принадлежать Темучину, потому что были собраны Есугей-багатуром. Джамуга встречался с Темучином в детстве; играя вместе тогда на льду реки Онона, они обменялись подарками и стали

названными братьями (анда. Темучину не пришлось особенно уговаривать анду своего отца — Ван-хана, — и своего собственного анду — Джамуга-сечена; у обоих были старые счёты с меркитами.

Поход Ван-хана и Джамуга, в котором присоединился Темучин со своими, увенчался крупным успехом. Жена Темучина, Борте, была освобождена, меркиты со своим предводителем Токтоа бежали, оставив в руках победителей добычу; «те триста человек, которые приезжали к горе Буркан и три раза об'езжали ее, истреблены были до одного, а их жены, годные в жены, пошли в жены; годные в рабыни — сделаны рабынями», — говорит нам монгольское сказание. Темучин, как только нашел свою жену, сейчас же принял меры к тому, чтобы остановить преследование меркитов; очевидно, он имел основание, не желать их полного разгрома со стороны Ван-хана и Джамуга. Для Темучина поход этот был особенно удачен еще и потому, что ему, повидимому, удалось получить от Джамуга принадлежавших ему по праву людей, а главное, Темучин показал себя, анизал благодаря этому наезду разные связи с представителями различных родов. О нем наговорили. Благодаря своим покровителям, Темучин обратился к ним с такими словами, в которых он оиить упоминает Небо, как своего

главного, заступника: — «Ван-хан отец и ты, Джамуга анда! Благодаря помощи вашей, Небо даровало мне силу, отомстить за обиду».

По возвращении из похода на меркитов, Темучин и Джамуга стали станом вместе в урочище Коргунак-дзубур на реке Ононе. Здесь они обменялись подарками, захваченными у меркитов, закрепили этим свою старую дружбу. Под густым деревом устроили они пир, а ночью спали под одним одеялом. В стане Джамуга Темучин имел возможность встретиться с еще большим количеством предводителей и представителей разных племен. Темучин, хотя и дружил с Джамуга-сеченом, тем не менее охотно слушал то, что говорили ему разные лица, например, Мукали из рода Джалаир. А Мукали рассказывал ему, что под тем самым густым развесистым деревом в урочище Коргунак-дзубур, под которым он пировал с Джамуга-сеченом, когда то веселился и плясал Котула, последний хан-предводитель рода Монгол, тогда только-что избранный ханом. С тех пор значение рода Монгол пало, с тех пор не было уже у них больше ханов. Но Вечное Синее Небо не может покинуть своего излюбленного рода, который ведет свое начало от него самого; из рода Монгол должен выйти опять богатырь, который объединит и соберет всех своих родичей, станет могучим ханом и отомстит всем врагам.

Этим будущим ханом является Темучин; Мукали чувствует такое определение Вечного Неба; молва идет уже об этом, говорят так и старые люди, вот и отец его, Мукали; все уверены, что с помощью Неба Темучин станет ханом и вознесет род свой.

Полтора года Темучин и Джамуга-сечен прожили вместе. Этого времени было вполне достаточно для Темучина, чтобы понять, что ему нельзя идти по одному пути с Джамугой. Он все больше и больше начал склоняться в сторону, которую указывал ему Мукали и другие, куда влекла его собственная властная натура. Темучин стал теперь задумываться о том, что, действительно, ему суждено и определено Небом стать преемником монгольских каганов, восстановить величие рода Монгол. Вместе с тем Темучин стал понимать, что достигнуть этой желанной цели он сможет только тогда, когда будет иметь надлежащих сторонников, которые могли бы явиться его силой. Он мечтал, поэтому, собрать свой род, собрать степных аристократов, которым его взгляды и стремления были бы более всего близки и доступны. Вспоминая свое жалкое состояние в дни первой юности, Темучин теперь стремился к привольной жизни кочевого аристократа; чувствуя и зная, что он по праву, по праву рождения и по праву мощной личности, должен овладеть

этой жизнью. А у Джамуга-сечена он видел другие стремления; тот все заботился о простом народе, заботился и беспокоился о судьбе тех, кто составлял низший слой тогдашнего монгольского общества. У Темучина определялись аристократические стремления, у Джамуга — демократические. Неудивительно, поэтому, что между ними вскоре произошел разрыв.

Вот как описывает нам это выдающееся событие в жизни Чингис-хана монгольское «Сокровенное сказание»:

«Однажды, Темучин и Джамуга поднялись с того становища (Коргунак-дзубур); было же то лето в шестнадцатое число четвертой луны. Темучин и Джамуга вместе ехали впереди кибиток; по дороге Джамуга сказал: — «Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней доставят юрты; если подле потока, то пасущие овец и агнят достанут пищи для горла». Темучин смолчал и, остановившись, обождал свою мать, Оелун; когда она под'ехала, он передал ей слова Джамуга и сказал: — «Я не понял слов его и ничего не отвечал ему; нарочно под'ехал спросить об этом тебя, матушка.» Мать его не успела еще молвить слова, как Борте проговорила: — «Про Джамуга-анду люди говорили, что он любит новое и презирает старое; теперь он наскучил нами. Не скрывается ли в словах его какого-нибудь умысла против нас? Мы не

должны оставаться: ходить на ночь; лучше, по дробу, по зернову, расстаться с ними.

Гемучин сказал: — Божье повеление делю. Потому он не оставался и пошел в ночь... В это вожделенное предвечерье, когда начало светать, гнали дикие слоны люди из рода Джамар... также рода Кизил... из рода Баарин; Борзи, степных Уруч... с родом Меке-Баарин, всем становились.

Говоря о своих кавалерах Джамута имел в виду богатый внешний класс кочевнического общества, степную аристократию, а о своих слугах и ягнато — простых людях — киратах, к которому сам Джамута тяготел сердцем. Гемучин не понял инстинктивно Джамуту, но почувствовал в его словах что то недоброе, а впечатление жизни его, Борзи, о том, что Джамута слышит новое и предвещает старое, еще более утвердили в нем мысль оставить демократический нестроения Джамута, с которым он не мог быть больше товарищем, не для защиты своих собственных интересов.

Оставление Гемучинем Джамута послужило ему бы сигналом к тому, чтобы от того сразу же отделилась масса аристократических семей, которые теперь стали собираться вокруг Гемучина. К нему стали приходить и отдельные аристократы разных родов, приходящие к нему

и целые семьи, даже целые рода, «всем становищем». Явились затем к Темучину его дядя по отцу, Дааритай-отчигин, предводители рода Джурки, потомки по старшей линии славного Кабул-кагана, Кучар — двоюродный брат Темучина и Алтан-отчигин, сын знаменитого богатыря, Котула-кагана, последнего хана рода монгол. Одних из этих аристократов Темучин привлекал своей личностью, своими дарованиями, выдержкой; он казался им идеалом степного богатыря, самым подходящим человеком для того, чтобы стать во главе аристократических родов и повести их к победам, которые доставят им тучные пастбища, скот и ловких табунщиков. Некоторые не сомневались, кроме того, в том, что Темучин предопределен стать владыкой самим Небом. Корчи, из рода Баарин, явившись к Темучину, заявил ему: — «Небо присудило господином царства быть Темучину... Вот что дух открыл мне и представил очам моим; а я открываю это тебе, Темучин». Другие же, к которым, повидимому, принадлежал Алтан, сын Котула-кагана, останавливались на Темучине потому, что он казался им наименее опасным для них самих; они надеялись, что Темучин будет послушным орудием в их руках, потому что среди них были лица более знатного происхождения, чем сын Есугей-багатура.

После некоторых колебаний, после того, как

Кучар, Алтан и другие представители монгольской высшей знати отказались от избрания на ханство, все окончательно остановились на Темучине. Алтан, Кучар и Сача-беки (правнук Кабул-хана по старшей линии), — рассказывает нам «Сокровенное сказание» монголов, — посоветовавшись целым обществом, об'явили Темучину: — «Мы хотим провозгласить тебя каганом. Когда ты будешь каганом, то в битвах с многочисленными врагами, мы будем передовыми, и если полоним прекрасных девиц и жен, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей, мы будем выступать прежде других и пойманных зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы, или в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях».

«Так поклявшись, они превозгласили Темучина каганом и нарекли его Чингисом».

Вот в таких то словах монгольская степная аристократия определяла свое отношение к своему предводителю — кагану и давала присягу, выставляя вместе с тем и свои требования: кочевой хан должен вести своих сподвижников к победам, которые доставляли бы им все блага жизни с точки зрения степняков, прекрасных пленниц, добрых коней, да удобные места для

охоты; сподвижники-аристократы пользуются всем этим, а хану своему уделяют лучшую часть.

Очень трудно объяснить значение слова Чингис, сделавшегося титулом Темучина, под которым он стал известен всему миру. Можно догадываться только, что титул этот Темучин получил по имени одного светлого духа, которому поклонялись тогдашние монголы-шаманисты. Предположение это имеет под собой и то основание, что многие смотрели на Темучина, как на предопределенного Небом, да и сам Темучин, повидимому, много думал об этом вмешательстве «Вечного Неба» в его судьбу. Не надо много говорить о том, что подобные воззрения на Темучина были ему чрезвычайно выгодны и он, конечно, должен был не упускать случая использовать их в своих целях.

Первым делом вновь избранного хана было устройство и организация его ставки. Темучин по своему собственному опыту знал, как легко в среде кочевников, в степях и горах устраивать неожиданные наезды и набеги; он хорошо понимал, что должен, прежде всего, озаботиться, чтобы у него было безопасное пристанище, известный, хотя бы кочевой, центр, который мог бы стать связующим местом, крепостью для его нарождающейся кочевой дер-

жавы. Чингис, поэтому, установил небольшую стражу из стрелков и мечников, которая должна была всегда находиться при его ставке; затем он позаботился об устройстве заведывания такими важными в кочевом быту делами, как охрана и пастьба конских табунов и выправка подверстных коней. Пожелал Чингис еще иметь постоянно при себе людей, которых он мог бы рассылать «как стрелы», по своему желанию, по мере надобности.

Как ни ничтожны были эти меры и установления, но там, в ту пору и они представлялись сложным организационным делом и давали наглядные результаты. Кочевники, средне-азиатские кочевники, всегда отличались крайней беспечностью и ленью, качествами, которые вырабатываются под влиянием кочевой жизни, кочевого быта, не знающего постоянного методического труда.

Сделавшись ханом, Темучин сейчас же вспомнил своих двух помощников и захотел одобрить и обнадежить их; таков уж был нрав у него, он был строг и требователен, но зато и щедр и милостив за оказанные ему услуги. Чингис-хан сказал Богурчи и Джельме: — «Я не забыл в сердце своем, что когда у меня еще не было товарищей, вы двое, прежде других, сделались моими товарищами: будьте же ста-

рейшими во всем этом собрании». А собравшимся вокруг него богатырям, аристократам Чингис-хан заявил следующее: — «Вы, собравшиеся здесь, отстали от Джамуги и решились придти ко мне. Если Небо сохранит меня и поможет мне, то вы все, старые мои, впоследствии будете моими счастливыми сподвижниками».

V.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНОМ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН И ОБРАЗОВАНИЕ КОЧЕВОЙ ДЕРЖАВЫ. БОРЬБА С ВАН-ХАНОМ

Ван-хан оказался очень недальновидным политиком, он не принял совершенно никаких мер против Темучина и даже был доволен, что сын его анды принял титул хана. — «Весьма хорошо, — сказал он, когда получил известие от Темучина о случившемся, — что Чингис сделан каганом; как вы, монголы могли бы обойтись без кагана? Не изменяйте же того, что вы порешили с общего согласия». Вначале и с Джамугой у Чингис-хана продолжались недурные отношения, но вскоре разрыв их перешел в открытую борьбу: аристократическое и демократическое движения не могли не столкнуться.

Поводом послужило следующее обстоятельство, хорошо характеризующее кочевой быт и кочевые нравы. Младший брат Джамуги за-

хватил табун коней у одного из сподвижников Чингис-хана. Тот ночью один настиг похитителя, убил его, а коней угнал назад. Тогда Джамуга собрал своих ратников и двинулся против Чингиса. Темучин со своими воинами вышел было навстречу, но был отброшен и должен был отступить к реке Онону. Джамуга же не преследовал его, но зато варварски расправился с несколькими попавшими в его руки аристократами. Это сейчас же возымело свое действие: несколько аристократических родов со своими людьми отделилось от Джамуги и перешло к Чингису; среди них находился и Мунлик, тот самый, которому умирающий Есугей-багатур завещал позаботиться о своей семье; один из семи сыновей Мунлика был прославленный шаман-волхв, звали его Кэкчу.

Между тем, Цзиньцы нашли удобным момент для того, чтобы снарядить военную экспедицию против татар. Цзиньское войско должно было напасть на них с одной стороны, а Ван-хан керейтский с другой. Чингис с радостью принял участие в этом походе, который представлял ему удобный случай отмстить татарам за убийство отца, Есугей-багатура, и доказать свою преданность могущественному Ван-хану. Вместе с тем, Чингис надеялся и поживиться вместе со своими приближенными на счет татар. Разбитые уже Цзиньцами, та-

ОБЪЕД
СКИХ
Д

Ван-
литик
мер пр
сын е
хорош
от Те
сделав
обойт
что в
чале
лись
их пе
тически
не сто
Пово
ство,
и коче

ственно, должны были считать своим врагом и Ван-хана керейтского, потому что оба они, Ван-хан и Темучин, теперь явно для всех стремились к господству, стремились создать большую кочевую державу. На берегах реки Аргуни, Джамуга-сечен был избран главою этой новой коалиции племен и родов с титулом гур-каган (всенародный государь). Повидимому, и теперь среди сторонников Джамуги преобладал демократический элемент, который имел больше всех основания опасаться возвышения Чингис-хана и Ван-хана; но, несомненно, с Джамугой было и немало представителей аристократических родов, которые по той или другой причине были связаны с новым гур-каганом.

Вскоре между Джамугой с одной стороны и Ван-ханом и Чингисом с другой, начались враждебные действия, которые на этот раз принесли для Джамуги неблагоприятный оборот; ратники его начали разбегаться, и он должен был со своими улусами поспешно кочевать вниз по реке Аргуни, преследуемый Ван-ханом. Чингис-хан же воспользовался случаем напасть на своих родичей и давних врагов тайчутов. Битва или схватка с тайчутами оказалась очень удачной для Темучина, ему не удалось смять неприятеля, сам он был ранен в шею и упал в глубокий обморок. Рассказывают о подвиге прислужника и сподвижника Чингис-

хана, — Джельме, который высосал из раны своего хана запекшуюся кровь, а потом прокрался в стан врагов, тайчиутов, и раздобыл там ведро айрана (кислого молока), чтобы облегчить жажду Чингис-хана.

Но воины тайчиутов оказались не стойкими, большинство их рассеялось и Темучину не трудно уже было захватить народ и истребить часть своих врагов. Тогда, между прочим, к Чингис-хану явился молодой человек из рода Есут, попавший к тайчиутам в качестве вассала, звали его Джиргуадай. Придя к Чингис-хану, он сознался, что был с Джамугой и в битве подстрелил коня Темучина. — «Теперь, если ты, хан, повелишь убить меня, то зама-раешь только клочек земли, не больше, как с ладонь: а коли оставишь меня живым, то я поусердствую тебе; глубокую воду остановлю и крепкие камни разобью в куски!» Чингис дал ему такой характерный ответ: — «Когда враг убивает человека, то он обыкновенно таит и не высказывает этого; ты же теперь не утаил от меня; будь же моим сподвижником». Приняв его к себе, Чингис переименовал его имя и назвал его Джебе (стрела), в память его проступка; это был тот самый Джебе, который впоследствии стал одним из самых замечательных и талантливых полководцев Чингис-хана; в битве с русскими при Калке, он, между

прочим, быи своимъ зъ звукъ главнокомандующихъ.

Между темъ силы Чингис-хана продолжали расти, количество переходящихъ на его сторону родовъ все увеличивалось, такъ что онъ могъ, продолжая пользоваться расположеннемъ Ван-хана, окончательно разгромить татаръ, отомстить имъ за все старое и обезопасить себе тылъ для будущихъ возможныхъ походовъ противъ племенъ, населявшихъ среднюю Монголию. Передъ боемъ съ татарами Чингис-ханъ далъ такой приказъ своимъ воинамъ: — Если одержимъ победу, то не гнаться за добычей; по окончании же всего, разделить ее поровну. Когда ратники принуждены будутъ отступить къ первоначальному строю, то снова должны вернуться и биться усplenно; кто, отступивъ къ первоначальному строю, не вернется, тому отрубить голову». Татары были разбиты и Чингисъ захватилъ все ихъ стойбища. Тутъ Алтану, Кучару и другимъ знатнейшимъ аристократамъ пришлось убедиться в томъ, что Темучинъ, действительно, сталъ Чингис-ханомъ, что не только онъ не можетъ быть послушнымъ орудиемъ в чьихъ-либо рукахъ, но и не допуститъ никому, какъ бы тотъ ни былъ знатен, преступать его повеления и нарушать установленную дисциплину. Важные аристократы, Алтанъ, Кучаръ и другие в начале же сражения занялись грабежомъ имущества татаръ; узнавъ объ этомъ, Чингис-

хан тотчас же приказал отобрать у них все награбленное. Чингис-хан, после совещания со своими родичами, произвел страшное избиение среди татар, желая с корнем вырвать старых врагов своего дома; оставшихся в живых — распределили по разным родам и улусам, так что с той поры племя татар перестало существовать, как самостоятельное целое. Чингис взял себе в жены двух красивых татарок, Есуй и Есуген; у него, таким образом, стало три жены. Каждая его жена имела, по обычаю кочевников, особую ставку (орду) со своим особым штатом.

После разгрома татар Чингис продолжал, несмотря на свое усиление, подчиняться Ван-хану, помогать ему и быть до известной степени вассалом керейтского владыки, хотя тот, повидимому, уже стал относиться хуже к Темучину; он, например, вошел в соглашение с Джамугой, не уделяя Чингису ничего из захваченной добычи. Вместе с Ван-ханом Чингис ходил против найманов. Возвращаясь из победоносного набега, Ван-хан и Чингис-хан наткнулись на свежие войска найманов, собранные одним из их предводителей. Ночью Ван-хан коварно покинул Чингиса и двинулся в путь, направляясь в свои кочевья. Джамуга искусно поддерживал настроение Ван-хана против Темучина, он указывал ему, что тот сно-

сится с найманами и готов изменить. — «Я — это постоянно живущий на одном и том же месте жаворонок, а Темучин передетная птица, кричащая в поднебесья», говорил он.

Узнав о вероломном уходе Ван-хана, Чингис очень искусно отступил к своим кочевьям, не потерпев никакого урона. Ван-хан же, наоборот, был сильно ограблен найманами, которые захватили богатую добычу. Ван-хану пришлось обратиться за помощью к Чингису и просить его, прислать своих четырех кулуков (витазей): Богурчи, Мукали, Бороула и Чилауна. Ван-хан имел уже случай оценить их воинские и организаторские таланты; четыре кулука Чингис-хана вполне оправдали его надежды.

Несмотря на ряд удачных походов, Темучин не думал тогда еще состязаться с Ван-ханом керейтским. В ту пору в глазах всех Темучин был не более, как ловкий и искусный предводитель нескольких аристократических родов, добившихся успеха благодаря тому, что они составляли хорошо сплоченную шайку; Темучин, все-таки, был случайным человеком. Между тем Ван-хан был государем обширного, хотя и слабо организованного государства, был представителем древнего царствующего дома, в его кочевых ставках была известная роскошь, сам Цзиньский государь, владыка богатого северного Китая, почтил его титулом вана;

все это обольщало простых степняков и возвышало Ван-хана по сравнению с другими кочевыми владетелями тогдашней Монголии. Темучин поэтому захотел воспользоваться улучшением своих отношений с керейтским государем для того, чтобы породниться с ним, и тем упрочить свое положение и придать ему больше блеска: титул зятя (курген) могущественного хана всегда почитался в степях. Чингис стал просить дочь Ван-хана, Чаур-беги, в жены своему старшему сыну, Джучи; свою же дочь, Кюджин, он предложил в жены внуку Ван-хана, отцом которого был сын керейтского государя, известный под китайским титулом сенгуна. Темучин получил отказ и «сердце его оттого охладело», как выразилось монгольское «Сокровенное сказание». Действительно, для Чингиса отказ этот должен был быть большим разочарованием, в его аристократической системе возможность породниться со знатным и могущественным домом занимала важное место. Вскоре Чингису пришлось пережить и другие разочарования и испытания.

Алтан с другими родичами явно отпал от Темучина и сговорился с Джамугой; все они скочевали в сторону Сенгуна, сына Ван-хана, который стал особенно враждебно относиться к Чингису. Алтан же, Кучар и другие знатные аристократы поняли теперь, что во время хан-

ства Чингиса им придется вполне подчиняться его воле, что совсем не входило в планы этих вольных аристократов. Сенгуну и его приспешникам удалось, наконец, убедить Ван-хана в том, что Чингис-хан сносится с его врагами, найманами, и готовит недоброе. Ван-хан, укрепив сердце, решил выступить против Темучина.

Сенгун со своими товарищами вначале хотели заманить к себе Чингис-хана, притворно согласившись вдруг на его сватовство; когда эта хитрость не удалась, Ван-хан со своими союзниками решил произвести внезапное нападение на Темучина и захватить его. Но и этот план не удался, потому что Чингис был вовремя извещен двумя пастухами из стана врагов и успел собрать своих верных сподвижников.

Когда на другой день Ван-хан прибыл со своими войсками, рать Чингиса была уже готова к бою. Государь керейтов спросил у Джамуги: — «Кто бойцы у Темучина?» Джамуга отвечал: — «Два рода, Урут и Мангут, у него добрые ратники; они не расстраиваются в нестройном бою и с малолетства навывкли к копьям и мечам; знамена у них или цветные, или черные: когда они появятся, то надобно остерегаться». В происшедшей битве Чингис-хану удалось отбить Ван-хана и его союзников. Сенгун был ранен стрелой. Тем не менее Чингис решил из

предосторожности отступить и остановился на ночлег вдали от места битвы. На рассвете, когда Чингис осматривал своих ратников, оказалось, что не хватает троих: — «Угедея, третьего сына Темучина, Боро-Кула и Богурчи. — «Угедей, — сказал Чингис-хан, — с самыми верными Боро-Кула и Богурчи, вместе жили, вместе и умерли, не желая разлучаться». Но вот вдруг прибыл Богурчи, Чингис, ударяя себя в грудь, воскликнул к небу: «О!». «Спустя немного времени, — рассказывает нам монгольское богатырское сказание, — появился еще всадник; с приближением его, увидели под ним еще две висящие ноги; когда они подехали, то узнали Угедея и Боро-Кула, ехавших на одной лошади, у Боро-Кула рот был замазан кровью, потому что он высосал ссевшуюся кровь из раны от стрелы на шее Угедея. Увидев это, Чингис заплакал, а сердце его стеснилось».

Между тем, выяснилось окончательно, что силы у Чингис-хана более, чем слабы. Ему не оставалось ничего делать, как продолжать отступление, занимаясь по пути облавными охотами, добывая этим пропитанье войску; шел Чингис вниз по реке Калка. Отступив на известное расстояние и несколько пополнив свои силы, Чингис послал людей к Ван-хану, Сенгуну, Джамуге, Алтану и другим их товарищам, которые должны были передать его ус-

THESE ARE THE RESULTS OF THE RESEARCH
CONDUCTED IN THE LABORATORY OF THE
AT BELL LABORATORY, MOUNTAIN VIEW, NEW JERSEY
THESE RESULTS ARE THE PROPERTY OF BELL
LABORATORY, MOUNTAIN VIEW, NEW JERSEY
AND ARE NOT TO BE REPRODUCED OR
TRANSMITTED IN ANY FORM OR BY ANY
MEANS, ELECTRONIC OR MECHANICAL, INCLUDING
PHOTOCOPYING, RECORDING, OR BY ANY
INFORMATION STORAGE AND RETRIEVAL
SYSTEM, WITHOUT PERMISSION IN WRITING
FROM BELL LABORATORY, MOUNTAIN VIEW,
NEW JERSEY. THIS DOCUMENT IS UNCLASSIFIED
DATE 10/15/98 BY 60322 UCBAW/STP/STP

NO PART OF THIS DOCUMENT IS TO BE
REPRODUCED OR TRANSMITTED IN ANY
FORM OR BY ANY MEANS, ELECTRONIC OR
MECHANICAL, INCLUDING PHOTOCOPYING,
RECORDING, OR BY ANY INFORMATION
STORAGE AND RETRIEVAL SYSTEM,
WITHOUT PERMISSION IN WRITING FROM
BELL LABORATORY, MOUNTAIN VIEW,
NEW JERSEY.

предложениям: — «Тайный смысл его речей я разгадал, — заявил Сянгун, — битва — это самое верное слово... Поднимите большое знамя и откормите меренов на пастбище. Нечего более сомневаться». Чингису пришлось скочевать к болотистым берегам озера Балджуна, где он мог укрыться и чувствовать себя в достаточной безопасности от внезапных нападений. Но положение его было самое тяжелое, которое усугублялось необходимостью стоять среди топи и болот.

Между тем, число верных приверженцев и сподвижников Чингис-хана начало возрастать, стали приходить к нему те, кто веровал в его судьбу, считали для себя выгодным следовать за ним. Между прочим, явились к Чингису и мусульманские купцы, которые тогда держали в своих руках торговлю в Средней Азии, проникая в самые отдаленные места. Благодаря общению с этими мусульманами, Чингис имел возможность значительно расширить свой горизонт, многое узнать о том, что делается в мире, узнать о разных странах и народах. Мусульманских же купцов Чингис вначале привлекал, вероятно, своей щедростью, не даром о нем говорили в народе: — «Этот царевич Темучин снимает платье, которое носил, и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает».

Пришел к Чингис-хану, между прочим, и его

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a dense block of text, possibly a list or a series of entries, but the individual words and sentences cannot be discerned.

доверенного человека Ван-хана, о том, что в ставке владыки керейтов идут пиры и что мер осторожности не принимают; Чингис прошел со своими войсками форсированным маршем до стана керейтов, окружил Ван-хана и произвел на него нападение. Застигнутые врасплох керейты, хотя и оказали долгое и упорное сопротивление, но все-таки были разбиты наголову. Ван-хан и его сын Сенгун бежали; Ван-хан вскоре был убит на границе найманов, а Сенгун должен был бежать в отдаленные страны, где и погиб.

Так одним ударом Чингис-хану удалось сокрушить самого могущественного владетеля в тогдашней Монголии и сразу встать на его место. Народ керейтов Чингис-хан роздал своим сподвижникам, а знать керейтскую принял в число своих вассалов или сделал вассалами своих сторонников. Рассказывают следующий случай, характеризующий отношение Чингиса к побежденным врагам и рисующий, вообще, ярко степные нравы: — «Бывший в этой битве некто из керейт, по имени Кадак-багатур, сказал Чингису: «Мне тяжело было дозволить вам схватить и убить моего законного господина; поэтому, я бился три дня, чтобы дать Ван-хану время уйти дальше. Теперь, велишь мне умереть, умру; а если даруешь мне жизнь, то поусердствуй тебе». Чингис сказал: — «Кто не

[The text in this section is extremely faint and illegible, appearing as a series of horizontal lines.]

VI.

БОРЬБА С НАЙМАНАМИ. КОНЕЦ ДЖАМУГИ

Далее на запад от керитов обитало могущественное племя найманов, с которыми Чингис-хану, бывшему тогда под покровительством Ван-хана, уже приходилось иметь дело. Найманы были, повидимому, самым цивилизованным племенем тогдашней Монголии, они подверглись влиянию уйгурской культуры; по всей вероятности, именно у них и началось приспособление уйгурского письма к монгольской речи и впервые появилась монгольская письменность. Найманы имели также сношения с Туркестаном и Семиречьем. Их страну посещали и мусульманские купцы, которые оказывали культурное влияние на высшие классы найманского общества, а вместе с тем и на весь народ. Среди найманов было распространено христианство несторианского толка.

Найманы, во главе которых тогда стоял Таян-хан, не могли не обеспокоиться возвышением Чингис-хана, который после разгрома керейтов становился самым могущественным владельцем почти всей центральной и восточной Монголии. Таян-хан, поэтому, предложил государю племени Онгут, жившего около Великой китайской стены, союз с целью напасть на Чингиса с двух сторон. Но владыка онгутов не только не согласился, но уведомил обо всем Чингис-хана. Чингис-хан стал готовиться к новому походу.

Прежде всего, он занялся организацией своего войска, которое теперь представляло уже значительную силу. По старому, идущему из дали веков, обычаю он разделил его на тысячи, сотни и десятки; назначив опытных и лично ему известных военачальников, — тысячников, сотников, — он установил еще должности черби, которые должны были вести хозяйственную часть. Особое же внимание Чингис-хан уделил организации гвардии, которая должна была стать его личною охраной и отборной частью войска. Как и все, гвардию свою Чингис-хан устроил на строго аристократических началах; в гвардию (кешик) были избраны молодые люди, ловкие и статные, из домов ноянов, тысячников и сотников, равно люди свободного состояния (таркат)».

В гвардию входила отборная тысяча «храбрых-багатуров, «в битвах этот отряд долженствовал быть впереди, а в спокойное время составлять охранную стражу». Чингис слишком хорошо знал, как легко в степях при кочевом быте можно подвергнуться внезапному нападению, которое разом может прикончить начинающееся большое дело, поэтому, он особенно старательно следил за организацией правильной охраны ханской ставки (орду). Учреждением аристократической гвардии и назначением тысячников и сотников Чингис-хан положил начало военному устройству, военной организации своей степной аристократии, которая, таким образом, переставала быть недисциплинированной главой нестройного ополчения. В гвардии и в тысячах Чингис-хан, кроме того, завел железную дисциплину, которая должна была царить и в его ставках (орду).

Весной в 1244 году Чингис-хан двинулся в поход против найманов, желая предупредить их нападения, рискуя до известной степени, потому что у найманов обычно весной кони сбывают тонки, так как крутые горы без холмов на подпашной пастби. Поход осуществился в том, Чингис-хан двинулся против орды найманов в котором по предположению историков, были гонимы и кочевники от ханства степей. Найманов, находившихся в степях, и кочевников.

хану, под предводительством Таян-хана и его сына Кучлука, были разбиты вдребезги; Таян-хан погиб, а энергичный сын его бежал за Алтай. Кроме найманов после этой битвы достались Чингису разные роды других монголов, бежавших к найманам вместе с Джамугой. Этот неутомимый вождь степной демократии после гибели Ван-хана удалился к Таян-хану и старался вооружить его на борьбу с Чингис-ханом.

Вот как «Сокровенное сказание» о монгольском народе описывает нам наступление войск Чингис-хана на найманов, эпически рисуя нам богатырей Чингиса и самого Чингис-хана: — «В то время, Джамуга был тоже у найманов. Таян спросил его: «Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?» Джамуга отвечал: «Это четыре пса моего Темучина, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки, у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: Джебе, Кубилай, Джельме, Субедей.» ... Потом Таян опять спросил Джамугу: «Кто это позади, как голодный коршун, поры-

вающийся вперед?» Джамуга отвечал: «Это мой Темучин анда, одетый с ног до головы в железную броню; он прилетел сюда словно голодный коршун. Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только Монгол появится, так от него, как от барашка, не останется и копыт с кожей. Посмотри же теперь.»

Разбив найманов и захватив это племя, Чингис двинулся против своих старых врагов, «лесного» народа меркитов, во главе которого стоял Токтоа. Меркиты были разбиты, но их предводитель успел бежать вместе со своими сыновьями и немногими приверженцами. Тогда же из меркитов Чингис-хан взял себе четвертую жену, знаменитую красавицу Кулан, воспетую в монгольских былинах.

В следующем году Чингис-хан совершил более отдаленный поход за Алтай, чтобы окончательно уничтожить своих врагов, найманского Кучлука и меркитского Токтоа. В происшедшей битве союзники были разбиты на голову, Токтоа убит, а Кучлук бежал в Семиречье, к господствовавшим там кара-киданям. Догонять бежавших с частью меркитов детей Токтоа Чингис-хан послал Субедею, одного из самых замечательных и даровитых своих полководцев.

Чингис-хан после этих побед сделался повелителем всей северной Монголии, объединив все жившие там племена монгольского происхож-

дения под своей властью. Скоро пал и последний противник Темучина в Монголии — Джамуга-сечен. Народный вождь, покинутый всеми, оказался под конец предводителем шайки разбойников и был, наконец, выдан собственными людьми Чингис-хану. Чингис и в данном случае не отказался поддержать аристократические начала, которыми он жил. — «Возможно ли оставить людей, — сказал он, — схвативших своего собственного господина? Предать их, с детьми и внуками, смерти!» Самому же Джамуге Чингис-хан, помня, что они были когда то названными братьями, анда, позволил умереть, не проливая крови, в которой, по шаманским представлениям монголов, находилась душа.

VII.

ЧИНГИС — ИМПЕРАТОР. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО ИМПЕРИИ

— «Итак, когда все поколения, живущие в войлочных кибитках, были соединены под одну власть, собрались они в год барса (1206-ом) при истоке реки Онона, и, воздвигнув девятиножное белое знамя, дали они там Чингису титул хана. Приняв управление монгольским народом, Чингис-хан сказал: «Произнесу я слова милостивые, разделяя тысячи действовавшим со мною в создании ханства и назначая ноянов — тысячников». В таких словах монгольское «Сокровенное сказание» описывает нам один из важнейших моментов жизни Темучина — Чингис-хана. В 1206 году Чингис устроил на Ононе «большое собрание» (курултай), на которое собрались все его родичи и сподвижники, все нояны и багатуры, вся монгольская аристократия. Сейм этот — курултай, подтвердил только то, что было уже сделано несколько лет перед тем небольшой группой аристократов: —

Бэжчу объявлял теперь, что Чингис-хан, предопределенный, ниспосланный (джаягату), самим Небом; Вечное Синее Небо покровительствует Чингису, роду его. Повидимому, и сам Чингис окончательно усвоил себе такой взгляд на самого себя. — «Небо повелело мне править всеми народами», заявляет он. — «Покровительством и помощью Вечного Неба я сокрушил род Керейт и достиг великого сана.» В «девятиножное белое знамя» вселяется хранитель гений (сульде) рода Чингиса, этот «сульде» будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит всех, все страны, потому что Чингисхану Вечное Синее Небо повелело «править всеми народами». Чингис ханствует «силою Вечного Неба» (Мэнке тенгри-йин кучун-дур). Монголы до сих пор хранят и чтут это белое знамя — сульде, которое, по их поверью, то самое, которое ходило с войсками Чингис-хана от победы к победе; монголы только верят, что душа самого Чингиса вселилась в это знамя-сульде, потому что он сам стал гением-хранителем своего славного рода, до сей поры правящего монголами.

При таких религиозно-родовых воззрениях Чингис-хан мог создать строй только на строго аристократических началах. Чингис-хан представляет себе государство так же, как любой степной аристократ представляет себе устрой-

Il primo capitolo tratta della storia della lingua italiana, dalla sua origine latina fino all'evoluzione moderna. Si discute l'influenza di autori come Dante, Petrarca e Boccaccio, e come la lingua si sia formata attraverso secoli di uso e di cambiamento. Si menzionano anche le diverse varietà regionali e l'importanza della lingua letteraria.

Il secondo capitolo si occupa della grammatica italiana, in particolare della morfologia e della sintassi. Si analizzano le diverse parti del discorso, come i nomi, i verbi e le preposizioni, e si illustrano le regole che governano la loro costruzione e l'ordine delle frasi. Si discute anche l'uso delle diverse forme verbali e la costruzione delle frasi complesse.

верные сподвижники, лично ему известные, которых бы он мог назначать на разные должности, и которым мог бы давать различные поручения сообразно индивидуальным особенностям каждого.

Все гвардейцы (кешиктен) должны быть аристократического происхождения. — «Ныне, когда Небо повелело мне править всеми народами, для моей охранной стражи, кешик, стрелков и других, — повелел Чингис-хан, — пусть наберут десять тысяч человек из тем, тысяч и сотен. Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должно избрать из детей чиновных и свободного состояния лиц, и избрать ловких, статных и крепких... Кто из тысячников, сотников и десятников, и людей свободных воспротивится, тот, как виновный; подвергнется наказанию.» Эта аристократическая гвардия пользуется различными привилегиями и особым почетом. — «Телохранитель моей охранной стражи (кешик), — повелевает Чингис, — выше внешних (то-есть линейных, армейских) тысячников; домашние их выше внешних сотников и десятников. Если внешний тысячник, считая себя равным кешикту охранной стражи, заспорит и будет драться с ним, то подвергается наказанию». Все гвардейцы находятся под личным наблюдением монгольского императора, он сам разбирает все их дела. — «Начальствующие

над охранною стражей, не получив от меня словесного разрешения, не должны самовольно наказывать своих подчиненных. В случае преступления кого-либо из них непременно должно докладывать мне, и тогда, кому следует отрубить голову, тому отрубят; кого следует бить, того будут бить.»

Обращаясь к своим старым гвардейцам, Чингис-хан заявил им: — «Вы, телохранители ночной стражи (кебтеут) для спокойствия моего тела и души, оберегали кругом мою ставку, в ночи дождливые и снежные, равно как и в ясные ночи тревог и битв со врагами... Через то я достиг великого сана... Завещаю моим потомкам смотреть на этих телохранителей, как на памятник обо мне, тщательно заботиться о них, не возбуждать их неудовольствия и считать их благодетельными духами.»

Чингис-хан с необыкновенным искусством и знанием людей выбирал себе помощников, назначал их на разные должности; в этом особенно наглядно проявлялась его гениальность. Поэтому, он, требуя многого от своих подчиненных, всегда очень заботился о лично ему знакомых, хотел, чтобы всегда, даже в отдаленных походах, их судьба находилась в его руках; этого же требовали, по взглядам Чингиса, аристократические привилегии его сподвижников. Отправляя, например, в поход Субедей-

багатура с войском, преследовать детей меркитского Токтоа, Чингис-хан дал ему такое наставление: — «Кто ослушается приказов, того приведи сюда, если он известен мне, если же нет, то казни на месте.»

Все монголы, все «поколения, живущие в войлочных кибитках» были теперь организованы Чингис-ханом по военному. Все они были разделены на тысячи и сотни, которые объединялись в дивизии, по две, по три и по пяти тысяч, и в более крупные единицы — корпуса — тьмы (тумен). Это значило, что разные роды и племена должны были, объединяясь или разбиваясь, образовывать такие единицы, которые могли бы в каждый нужный момент выставить тысячу, сотню и т. д. ратников. Во главе этих тысяч и сотен Чингис поставил тысячников и сотников из лично ему известных и испытанных сподвижников, причем обычно тысячник, или сотник начальствовал над группой своих ближайших родичей. Благодаря такой организации, не разрушался родовой строй, а с другой стороны он, этот родовой строй, получал, хотя и очень простую, но зато правильную военную организацию; вместо случайных, случайно возвысившихся предводителей родов, теперь появились определенные вожди из той же родовой аристократии, связанные службой своему хану и военной дисциплиной. Все монгольские вой-

ска, а значит и все монголы, по старому степному обычаю были разделены Чингисом на три части: центр (кэль), средняя рать, во главе которой был поставлен Ная; войска левой стороны — восточной (джун-гар), под началом Мукали, и войска правой — западной стороны (барун-гар), которыми командовал Богурчи. — «Избавляю тебя от наказаний за девять преступлений, — сказал Чингис-хан Богурчи, назначая его начальником «правой рати», — будь темником и управляй этой западной страной до Золотых гор (Алтая). — «Будь темником левой руки, — сказал он тогда же Мукали, — и управляй восточной стороной до гор Караун; твои потомки будут наследственны в этом достоинстве.»

Чингис-хан везде, на всем пространстве своей державы хочет иметь полководцев, лично им избранных, индивидуальные особенности которых ему хорошо были бы известны, хочет всегда сам непосредственно руководить ими. — «Нояны (военачальники) тьмы, тысячи и сотни, — объявляет он, — приходящие слушать наши мысли в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние же тех, которые в своей юрте и не слышат мыслей, походит на камень, попавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в тростниковое место... Таким людям не по-

добает командовать.» Отправляя в поход Субедея, Чингис-хан заявил ему: — «Хоть ты и далеко будешь от меня, но то же что близ меня... В пути, Небо, конечно, сохранит тебя и поможет тебе».

В империи Чингис-хана монгольская аристократия стояла, значит, во главе войска, служила в гвардии и состояла на разных должностях при ханских ставках, которых было четыре, по числу старших жен Чингиса, а также при ставках ближайших родственников кагана. К этому классу родовой аристократии, высший слой которой составляли воеводы-нояны, примыкал класс людей свободных — таркат, которые за разные заслуги освобождались от повинностей и имели право «добытую ими в боях добычу и в облавах пойманных зверей не отдавать в раздел, а все брать себе.» Часто нояны и таркаты смешивались между собой, ноянство и таркатство объединялись в одном и том же лице. Сподвижники Чингиса, не имевшие родовых вассалов и подданных получали теперь новых, сообразно своим заслугам. Например, Чингис-хан сказал Джебе и Субедею: — «Собранными вами народами вы и управляйте в качестве тысячников». Известны еще и такие случаи: — «Чингис велел пастуху овец, Дегею, собрать бездомный народ и быть его тысячником. По распределению управления наро-

дами, народа, управляемого плотником Гучугуром, оказалось мало. Для пополнения его, Чингис приказал отделить из народа каждого правителя по несколько человек и сделать Гучугура, вместе с Мулкалку, рода Джадарат, его тысячниками».

Дав такое военное устройство, организовав так степную аристократию, Чингис-хан позаботился не только об управлении и устройстве ханских ставок, организации облав и вообще организации продовольственного дела для войска, но и об устройстве гражданского управления, наладить которое, быть может, было для Чингиса еще труднее, чем военное, потому что он сам и его монголы находились на очень первобытной ступени культуры. Сам Чингис-хан никогда не знал грамоты, как и не знал ни одного языка, кроме своего родного монгольского. Повидимому, с самим явлением грамоты, с употреблением письменности Чингис познакомился только после победы над найманами, когда монголами был захвачен уйгур Тататунга, состоявший на службе Таян-хана и бывший у него хранителем печати. Этот Тататунга и явился первым учителем монголов. Чингис-хан сам так и не выучился грамоте, но со своей обычной прозорливостью сейчас же оценил ее великое значение и, прежде всего, для нужд создаваемого им государства. Поэтому,

Чингис приказал учиться грамоте, повидимому, в том виде, в каком она уже существовала у найманов, язык которых был очень близок языку других монгольских племен, своим родственникам и другим соседям. Приемный брат Чингиса, Шиги-Кутуку, сделал особо быстрые успехи в этом деле, и вообще, повидимому, оказался наиболее глубоким для восприятия чужой — уйгурской образованности и культуры. Чингис, поэтому, поставил его главным судьей, дав ему такое характерное постановление: — «Теперь, когда я только что утвердил за собой все народы, ты будь моими ушами и глазами. Никто да не противится тому, что ты скажешь. Тебе поручаю судить и карать по делам воровства и обманов: кто заслужит смерть, того казни смертью; кто заслужит наказание, с того взыскивай; дела по разделу имения у народа ты решай. Решенные дела записывай на черные доски, дабы после другие не изменяли». С каким удивительным знанием людей выбирал Чингис-хан полководцев, с таким же искусством избрал он и своего главного судью, потому что Шиги-Кутуку стал образцово исполнять свои обязанности, решения его сделались примерными для всех; известно, между прочим, что он не придавал значения показаниям, сделанным из страха.

Практический Чингис-хан воспользовался

только что заимствованной грамотой для записи своих «Изречений» (Билик) и своих «Постановлений» (Джасак или Ясак-Яса), представлявших из себя кодификацию монгольского обычного права и народных обычаев и воззрений. Как «Билик» так и «Джасак» Чингис-хана составлялись им не в одно время, не сразу: они составлялись и пополнялись в течение долгого времени и были делом жизни Чингис-хана, который придавал созданию «Джасака» первенствующее значение. — «Если государи, которые явятся после этого (то-есть Чингиса), вельможи, богатыри и нояны, находящиеся у них, не будут крепко соблюдать Джасака, то дело государства потрясется и прервется. Опять будут охотно искать Чингис-хана и не найдут» — читаем мы в его изречениях. Или еще: — «После этого до пятисот лет, до тысячи, до десяти тысяч лет, если потомки, которые родятся и займут мое место, сохранят и не изменят таковой закон и «Джасак» Чингис-хана, ... то от Неба придет им помощь благоденствия». «Великая Яса» — «Джасак» был обязателен не только для всех, для всех классов общества, но и для самого главы империи, для кагана. Чингис-хан полагал дать вечные, непреложные законы, которыми бы могли руководствоваться, как его современники, так и потомки на вечные времена. Эти непреложные законы он искал не в

постановлениях более культурных народов, с которыми ему пришлось столкнуться и которые он сумел оценить по достоинству, и не в откровениях своего мощного духа, которые он тоже признавал, но в древних преданиях, обычаях и воззрениях своего рода, своего народа. Возводя эти обычаи и воззрения до степени государственного, обязательного права, так сказать, делая обычное право правом официальным, Чингис-хан был уверен в том, что создает вечные нормы, годные на все времена, потому что не мыслил возможности создания у монголов другого строя, чем тот, который был и который теперь утверждался им, Чингисом, по воле Вечного Синего Неба. Но... все меняется, и все проходит; «Великая Яса» не только не действует теперь в мире, она даже неизвестна современным монголам; более того, «постановления» Чингиса не сохранились нигде, от Ясы остались лишь жалкие остатки, по которым мы с трудом можем судить обо всем целом. Несомненно, тем не менее, что «Джасак» Чингис-хана сыграл огромную роль в жизни созданной им империи и долгое время служил монголам основным кодексом права, влияя на все стороны их жизни, а также и на жизнь покоренных ими народов. Так как «Джасак» действовал с неумолимой строгостью, то в империи Чингиса скоро установился образцовый порядок; убийства, грабе-

сочинениях, кое что сохранилось и у монголов.

Закончив организацию военного и гражданского управления, Чингис-хан установил должность беки, желая иметь государственного первосвященника, облеченного властью, признаваемой официально. Как помнит читатель, титул или сан беки был известен издавна и его часто носили предводители отдельных родов и племен, преимущественно лесных, которые совмещали светскую власть князя и духовный авторитет волхва, связанного с былым родоначальником и с духами покровителями. Чингис теперь установил должность такого государственного волхва, причем назначил беки старика Усуна, который был старшим потомком в роде Баарин, старшей ветви, происшедшей от легендарного Бодунчара; Усун, поэтому, мог считаться связанным особым образом с родоначальником и быть его заместителем. — «Усун, — сказал ему Чингис-хан, — ты старший потомок Баарина: тебе следует быть беки; будучи беки, ездя на белой лошади, одевайся в белое платье и в обществе садись на высшее место; выбирай добрый год и луну».

В 1207 году Чингис-хан продолжает свои завоевания, причем действует почти исключительно при помощи своих полководцев. Так он отправил своего старшего сына Джучи с вой-

сками правой стороны против «лесных народов», ойратов и киргизов, народа уже не монгольского происхождения, жившего по Енисею. Чингис-хан хотел, завоевывая эти места, обезопасить себя от внезапных нападений, а также взять в свои руки торговые пути к Енисею, где в то время сеяли много хлеба, который и вывозился при содействии мусульманских и уйгурских купцов в Монголию; кроме того, страна «лесных народов» была богата соболями и другой пушниной, отсюда же привозили охотничьих соколов. Джучи очень успешно выполнил поручение отца.

Около этого времени Чингис-хану подчиняется добровольно Уйгурия; уйгурский государь, носивший титул идикут, отправил вначале посольство к монгольскому хану, затем прибыл лично к Чингису в качестве его вассала. Чингис-хан выдал за него свою дочь, Алчалтун.

В 1211 году северная часть Семиречья была завоевана полководцем Чингис-хана Кубилай-нояном. Таким образом, власть монгольского императора, владыки кочевого государства распространилась и на старые культурные области, значительная часть населения которых жила оседло.

Между тем, Чингис-хан как бы окончательно заканчивал устройство своей кочевой империи,

выделил уделы из обширных имений матери, братьям и детям; Чингис-хану же следовала старая степная вооруженная дружина, конечно, не кто, кроме своих родичей, он не нарушил единства племени, объединил племена в единое государство — Далайханом. Раздавая уделы, Чингис-хан только подчеркнул независимость степных аристократических племен, подчеркивая, что он создал единое государство. — «Он детей своих, — говорил, — возмужавших из похода, — старших, возмужавших, в первый раз, пойдя с ним, возмужавших войска, пойдя с ним, возмужавших в войска; эти народы...

Чингис-хану и его сыну Батю с его войска, возмужавших, из похода, возмужавших войска, пойдя с ним, возмужавших в войска; эти народы...

VIII.

БОРЬБА С ШАМАНОМ КЭЖУ.

Чингис-хан был не только человеком религиозным, но и суеверным. Впрочем, та первобытная религия, которую исповедывали тогда монголы и Чингис-хан, и которой он удовлетворялся, чрезвычайно располагала его к суеверию, а желание, а может быть, и потребность знать волю Вечного Синего Неба и духов-хранителей постоянно толкали его к общению с шаманами, волхвами, гадателями. Поэтому, особенно интересным представляется проследить, как Чингис даже и в таком деле сумел проявить умеренность, мощь и силу духа, которому пришлось бороться с суеверными ужасами, внушаемыми ему с детства всей окружающей жизнью. Случай, который мы будем сейчас описывать, особенно любопытен потому, что и впоследствии Чингис, продолжая обращаться к гадателям и ворожеям, всегда умел

удержаться в определенных границах, никогда не подчинялся их влиянию, раз видел, что указания гадателей и его собственное суеверие идут против здравого смысла, против планов и целей, сделавшихся для него самыми жизненными: Чингис не знал односторонних увлечений и обладал железной волей, которая справлялась даже с суеверными предрассудками, разделяемыми всеми его окружавшими.

У Мунлика, того самого Мунлика, кому умирающий Есугей-багатур завещал позаботиться о своей семье и привести назад молодого Темучина, было семеро сыновей. Один из них стал прославленным шаманом, звали его Кэччу, но он был также известен под прозвищем Теб-Тенгри («Тенгри» по-монгольски значит: небо, Небо и небесный дух). Шаман этот приобрел большое доверие Чингис-хана, который, повидимому, искренне верил ему, верил, что Кэччу, действительно, общается с духами, восходит на небо, имеет сильных покровителей-духов. Повидимому, при избрании на ханство Чингиса Теб-тенгри сыграл известную роль и после того, как Чингис-хан стал повелителем обширной кочевой империи, совсем не хотел оставаться в тени, тем более, что он имел основания причислять себя к монгольской аристократии, так как принадлежал к семье, тесно

связанной с семьей Чингис-хана. Ему хотелось использовать свое положение шамана-волхва, общающегося с духами, и свое влияние на Чингиса для того, чтобы вмешиваться в дела империи, очень может быть, что он лелеял и более обширные честолюбивые планы, потому что имел большое влияние в народе, в среде монгольской аристократии. Поссорившись с братом Чингиса, силачем Касаром, Теб-тенгри явился к императору и заявил ему следующее: — «Дух объявил мне святое веление Вечного Неба: сначала Темучину царствовать над народами, потом Касару. Если ты не устранишь Касара, то дело еще сомнительно». Слова шамана произвели желанное действие. Теб-Тенгри рассчитал правильно: Чингис более всего дорожил своим положением и ревниво берег свою власть. Чингис-хан в ту же ночь отправился к Касару, схватил его и, сняв с него шапку и пояс, в знак лишения свободы, стал его допрашивать; но как раз в это время появилась неожиданно его мать, старуха Оелун-еке, которую близкие успели уведомить о случившемся. Она развязала Касара, вернула ему шапку и пояс, потом села, поджав ноги, и вынув наружу свои груди, сказала с гневом: — «Видете ли? это груди, которые вы сосали. Какое преступление совершил Касар, что ты губишь родную плоть? Когда ты был младенцем, то ссасывал вот эту»

и Качиун и Отчигин, оба не могли сосать
той груди; только Касар высасывал обе
и мои и облегчал мне грудь. Потому то в
Темучина таланты, а у Касара сила и
ество стрельяния. Всякий раз, как народы
ушались, он усмирял их своим луком и
тами; теперь враги истреблены в конец и
р уже не нужен». Чингис почувствовал
и ушел; но он все-таки отобрал у Касара
выделенных ему людей.

жду тем, Теб-Тенгри, потерпев неудачу в
попытке поссорить братьев и тем запу-
и унизить Чингиса, продолжал, попреж-
ежедневно являться к хану и давать ему
е наставления и указания. Значение и
ние шамана все росло и росло, у него ста-
е много приверженцев из среды монголь-
аристократии, питавшей к нему суевер-
ужас, начали вокруг него собираться и
ые люди, переходя от других владельцев.
ан, поддерживаемый своими братьями, де-
и все заносчивее и заносчивее с родствен-
ми Чингис-хана и, наконец, позволил себе
ети оскорбление младшему брату Чингис-
Поднялся ропот. Жена Чингиса, Борте,
ла ему: — «Что это за порядок? Если они,
при жизни твоей, губят твоих братьев,
ественных, как кедры, то когда ты сконча-
ься, народ, похожий на взволнованную

траву или на стадо птиц, по давню не захочет подчиняться твоим детям».

Чингис-хан тогда понял, что дальше терпеть нельзя, что пора действовать и, подавив свой суеверный страх перед шаманом, сказал Отчигину, своему брату, обиженному волхвом: — «Когда Теб-Тенгри сегодня придет сюда, делай с ним, что хочешь».

Когда, спустя немного времени, Теб-Тенгри пришел к хану со своим отцом, Мунликом, и братьями, Темуге-отчигин схватил его за ворот. Чингис тогда сказал, чтобы они шли бороться наружу. Как только они вышли наружу схватившись, заранее приготовленные и поставленные там три силача схватили Теб-Тенгри и переломили ему спинной хребет. Вернувшись в ставку, Отчигин заявил, что Теб-Тенгри не хочет бороться, он лег и не желает вставать. Отец шамана, Мунлик, понял тогда, в чем дело; заплакав, он сказал Чингису: — «Каган! я сделался твоим сподвижником прежде, чем ты начал возвышаться, и пребыл им до сего дня».

Для того, чтобы успокоить взволнованных убийством знаменитого шамана, Чингис сделал такое замечательное заявление: — «Теб-Тенгри бил моих братьев и несправедно клеветал на них; за то Небо не возлюбило его и отняло вместе и жизнь и тело его».

Чингис-хан упомянул о теле шамана потому,

что среди суеверных монголов пошли слухи, что труп Теб-Тенгри на третий день после смерти, на рассвете ушел через дымовое отверстие юрты, которая была поставлена над ним. Словами же этими Чингис совершенно определенно указывал, что Небо покровительствовало и покровительствует ему, его роду, и готово наказать всякого, кто вздумает подняться против монгольского хана, или его родичей; вместе с тем, Чингис признает, что шаман был способен «неправедно клеветать». Конечно, слова эти, как бы они ни были характерны, были сказаны для толпы, для суеверных поклонников шамана, по крайней мере, отцу Теб-Тенгри, Мунлику, Чингис сказал совсем другое, открывающее его настоящие думы: — «Ты не мог научить собственных сыновей своих: он хотел быть равным мне, за то я и погубил его. Если бы я заранее знал такие качества ваши, то давно бы погубил вас». Но, как всегда, и в данном случае Чингис-хан проявил свою сдержанность, не совершив ненужной жестокости. — «Но, если, давши слово утром, к вечеру изменять ему, — заявил он затем Мунлику, — или вечером давши, утром изменять ему, то стыдно будет людского суда; я уже прежде обещал избавить тебя от смерти. Кончим».

Вместе с шаманом Кэкчу сошел с жизненной сцены последний, кто бы пытался в Монголии

равняться Чингису и оказывать ему сопротивление, или неповиновение. Все теперь преклонились перед железной волей железного императора, прошедшего тяжелый путь от полуголодного существования в заброшенной юрте на берегу Онона до ханской ставки организованной империи.

IX.

ПОХОДЫ НА ТАНГУТ И КИТАЙ

Покорив и об'единив все монгольские кочевые племена, все поколения, живущие в «войлочных кибитках», Чингис-хан, как бы лицом к лицу стал перед обширными культурными странами, лежащими непосредственно на юг от монгольских степей и нагорий: Китаем и Тангутом (Си-ся). Китай с его богатствами, произведениями своей страны и культуры, с давних времен всегда являлся желанным для северных кочевников, которые всегда стремились или пограбить его, или завязать с ним торговые сношения. Очень часто северные кочевники прорывались в Китай, в его города, захватывали целые провинции, а иногда и всю страну, образовывали там инородческие династии и быстро исчезали, поглощенные китайским людским морем, условиями китайской культуры. За многолетнюю историю Китая картина эта повторялась, меняясь только частностями, много раз. Китай, как магнит, привлекал к себе жад-

ных до добычи кочевников, производящих очень мало; каждый кочевой народ, усилившийся в северных степях, непременно уже обращался в сторону Китая, производя набеги и захваты. В таком же положении оказался теперь и Чингис-хан, как глава об'единенных им кочевников северных степей. Так же как и его предшественников на исторической арене, его влекло на юг, в Китай за обильной добычей, за славой; были у Чингиса и другие причины, которые особенно толкали его на войну с Китаем. Он с обычной своей осторожностью совершил вначале набег на Тангутское государство, занимавшее тогда северо-западные окраины теперешнего Китая.

Несмотря на его сравнительную отдаленность, о Тангута Чингис имел возможность получить самые точные сведения, потому что многие монгольские племена имели с ним давние дела и сношения, например, керейты и найманы; большую помощь могли Чингису оказать и уйгуры, в особенности уйгурские купцы, бывавшие в Тангута, хорошо знавшие ту страну и тамошние условия. Наконец, завоевав найманов, Чингис-хан подошел к самым границам Тангутского государства.

В 1209 году Чингис напал на Си-ся, разбил тангутское войско и дошел до города Джунсин (Лин-джоу), местопребывание тангутского

государя. Заключив мир, одним из условий которого было представление тангутами дани. Чингис-хан вернулся к своим ордам с огромной добычей. Некоторые источники наши указывают, что Чингис еще до поражения найманского Таян-хана ходил на тангутов и повторил свой набег в 1207 году. Однако, можно думать, что сам Чингис не участвовал в этих походах и даже не особенно ими интересовался. Набег его 1209 года не только доставил ему богатую добычу, но и ослабил государство Си-ся настолько, что Чингис-хан, на первых порах, по крайней мере, мог не опасаться враждебных действий с этой стороны. Кроме того, Чингис-хан имел случай испытать свои войска в действиях против оседлого населения, против неприятеля, который обладает укрепленными пунктами. Перед Чингисом вставала теперь более грандиозная задача, которой он и отдался, с присущим ему вниманием и выдержкой: поход на Китай.

В то время Китай, в том виде, как его представляют себе обычно и в каком он теперь существует, распался на три, приблизительно равные части, на три государства; северо-западные его окраины, вместе с прилегающими землями Великой Гоби, принадлежащими тангутам, государство которых называлось Си-ся или Кашин; теперешняя Манжурия и северо-

восточная половина собственно Китая принадлежала маньчжурскому народу маньчжуро-тунгусского происхождения. держава которых называлась по имени царствовавшей династии — Цинь, то-есть Золотой; название юг Китая образовывал самостоятельное государство, в котором правила династия императоров династии Сун.

Чингиз-хану, после его похода на Тангут — Ся-си, пришлось, прежде всего столкнуться с маньчжурскими племенами, а затем с племенами тюркскими. Те же маньчжурские и тюркские племена, которые раньше были в вассальной зависимости от государства южной династии Сун, восточнее и южнее Чингиз-хана, вступили в борьбу с ним. Чингиз-хану пришлось вступить в борьбу с племенами, которые раньше были вассалами государства южной династии Сун, восточнее и южнее Чингиз-хана, вступили в борьбу с ним. Чингиз-хану пришлось вступить в борьбу с племенами, которые раньше были вассалами государства южной династии Сун, восточнее и южнее Чингиз-хана, вступили в борьбу с ним.

злую смертью в столице Цзиньцев. Теперь, в начале XIII-го века, Чингис-хан возводит род Монгол на небывалую высоту, ставит его во главе большого кочевого государства и, как бы, осуществляет его старые мечты, даже далеко превосходит их. Теперь Чингис-хан пред лицом всех оказывается мстителем за обиды, нанесенные Цзиньцами его предкам, его роду; Цзиньцы его заклятые враги, старые губители и притеснители; им нужно отмстить жестоко за соединное. К этому влечет Чингиса его чувство долга перед своим родом, его родовое сознание. Конечно, помимо этого, Чингис-хану было очень выгодно стать на такую точку зрения и сделать набег на Китай, подсказываемый простым расчетом и хищническими инстинктами кочевника, «идейным» в глазах своих родичей и всей монгольской аристократии. И эти «идейные» начала должны были особенно воодушевлять войска Чингис-хана, которые сознавали, что идут не только грабить и разорять богатые области, но и мстить врагам их императора, старым губителям его славного рода, теперь объединившего все «поколения, живущие в войлочных кибитках».

Но Чингис-хан не останавливался на этом; он пошел далее, он захотел придать войне еще и, некоторым образом, религиозный характер. Вечное Синее Небо должно помочь ему, потому

что оно покровительствует его роду, потому что оно избрало его; Небо поведет его войска мстить за оскорбления и обиды его родителей, которые являются оскорблениями Неба. Перед выступлением в поход Чингис-хан уединился в юрту, где пробыл три дня, причем окружающие войска и народ зывали: — «Тенгри, Тенгри!» (Небо, Небо!) На четвертый день Чингис вышел из юрты и объявил, что Вечное Небо даровало ему победу, что они должны идти мстить Цзиньцам.

Рассказывают также, что Чингис-хан взшел на вершину горы, снял шапку, повесил себе пояс на шею и обратился с мольбой к Вечному Синему Небу, прося одобрить его решение отмстить Цзиньцам за своих родичей-предков, за злодейское убийство Анбагай-хана.

Готовясь к походу на Китай, монгольский хан имел возможность получить точные сведения, как о положении дел в государстве Цзиньцев, так и о расположении их войск, укрепленных мест, местонахождении их военного снаряжения и других запасов. Сведения эти Чингис-хан получал от перебежчиков, недовольных Цзиньцами по разным поводам, в силу национальной вражды; полезными могли оказаться Чингису и онгуты — монголы, жившие подле Великой Китайской стены, на гранях, значит, самого Китая. Но, кроме того, Чингис-

хан сумел воспользоваться указаниями лиц, которые, благодаря своему особому положению и значительной культурности, могли принести ему особенно ценные данные о Цзиньском Китае; лица эти были мусульманские купцы. Вся торговля Китая с Центральной Азией находилась тогда в их руках; они хорошо знали все пути, знали о положении дел в странах, где им приходилось иметь дела, и имели многочисленные знакомства и связи в самых различных местах. Мусульманские купцы, ведущие торговлю с монголами и Китаем, принадлежали тогда к редкому кругу лиц, которые знали не только мусульманскую центральную Азию, но и далекие степи, и горы Монголии, и богатые провинции Китая. Чингис давно уже имел случай познакомиться с этим классом людей и оценить их значение для своих целей. Не даром он в своих «Поучениях» ссылается на купцов, приводя их в пример знания своего дела. — «Подобно тому, как купцы наши, привозящие парчевые одежды и хорошие вещи, в надежде барыша, становятся чрезвычайно опытными в тех товарах и материях, и нояны армейские также должны хорошо обучать мальчиков пусканию стрел и езде на конях, упражнять их в этих делах и делать их столь же смелыми и храбрыми, как опытные купцы в искусствах, которыми владеют». С другой сто-

сильного врага, располагающего огромными средствами, между прочим, большими укрепленными городами, снабженными запасами и военными снаряжениями, обнесенными толстыми и высокими стенами.

Чингис выступил в поход весною в 1211 году с берегов Керулена в сопровождении своих четырех сыновей, Джучи, Чагатая, Угедея и Тулуя, и лучших своих воевод-сподвижников. Чтобы обеспечить себе тыл и безопасность покидаемых ставок, он оставил в Монголии небольшой отряд. Цзиньцы тоже знали о готовящемся нападении на их владения со стороны вновь возникшего кочевого государства и принимали меры к защите, а, может быть, и к наступлению вглубь монгольской Гоби, но, как показали события, меры эти оказались недостаточными; не удалось Цзиньцам выставить такой армии, которую не могли бы разбить монголы. Войска Цзиньского государства были неизмеримо многочисленнее монгольской кавалерии, которую вел за собой Чингис-хан, но зато войска Чингиса были надиво дисциплинированы, тогда как у Цзиньцев скоро обнаружился развал, увеличиваемый еще национальной рознью, потому что в Цзиньских полках служили, как джурджени, так и китайцы и кидане, потомки народа, властвовавшего над Китаем перед Цзиньцами.

Вступив в пределы враждебного государства, Чингис-хан разбил цзиньского генерала Даши и сразу, благодаря победе, стал обладателем земель, лежавших за пределами Великой Стены и принадлежавших государству Цзинь. Полководец Чингиса, с которым мы уже встречались раньше, Джебе ноян, командированный со своим корпусом, быстро взял укрепления, прикрывавшие западную столицу Цзиньцев, город Дай-тун-фу. Западная столица скоро была взята Чингис-ханом так же, как и города Сюань-дэ-фу и Фу-чжоу. В то же время отдельные корпуса были отправлены Чингисом под командой трех своих старших сыновей для захвата округов и городов, лежавших на севере провинции Шань-си. Царевичи тоже справились вполне хорошо со своей задачей. Затем Чингис-хан, лично руководя войсками, дважды разбил Цзиньские войска. Крепость, защищавшая знаменитый горный проход Цзюй-юнь-гуань, через который идет путь поперек гор, лежащих между Монголией и Китаем, на пекинскую равнину, был захвачен Джебе-нояном, после чего монголы появились под стенами Средней столицы Цзиньцев, города, который теперь известен под названием Пекина. Отряды, посланные Чингисом, захватили затем ряд городов к северу от Пекина вплоть до моря и, уже зимой, завладели казенными табунами Цзиньцев.

В 1212 году началось восстание, поднятое киданями, в южной Манджурии, причем глава повстанцев признал себя вассалом Чингиса и получил от него помощь. Войска же Чингис-хана продолжали военные действия в провинции Чжили, где монгольский хан несколько раз разбил многочисленные армии Цзиньцев и совершил большие маневры, заставляя отступать и наступать свои войска. Затем Чингис-хан разделил свою армию на три части: одну, под командой царевичей Джучи, Чагатая и Угедея, он направил на провинцию Шаньси; другую в земли на восток, лежащие около Желтого моря; третью, среднюю, Чингис-хан сам повел в провинцию Шаньдун.

Все эти армии действовали чрезвычайно успешно и через несколько месяцев в руках монгольского императора оказались почти все земли Цзиньского государства, лежавшие на север от реки Хуан-хэ. Только около десяти хорошо укрепленных городов, в том числе и Средняя столица — Пекин избежали этой участи. Престиж Чингис-хана и его монголов настолько возрос тогда в глазах его врагов, что ему начали передаваться не только кидане, но и джурджени, джурдженские военачальники и чиновники. Они поняли, что нашествие Чингис-хана совсем не обычный наезд или набег полудиких кочевников, и его войска не не-

стройные толпы степных наездников, и стали видеть в монгольском хане будущего владыку Китая, которому суждено низвергнуть Цзиньцев и основать свою новую династию. Чингисхан тотчас же использовал это отношение к себе для того, чтобы начать организовывать войска из китайцев, во главе которых были поставлены китайские же, или окитаевшиеся командиры, действовавшие под началом и руководством монгольских полководцев.

В начале 1214 года все монгольские армии, отягощенные огромной добычей, соединились под Пекином, к северу от города. Чингис не предпринял тогда никаких наступательных шагов против Цзиньской столицы, хорошо понимая всю трудность взятия большого города, отлично укрепленного, снабженного всем необходимым, где были к тому же сосредоточены лучшие войска государства, и не дал себе увлечься блистательным планом захвата знаменитой столицы «Золотого» царства и его императора, потому что видел всю рискованность этого дела и хотел лучше обеспечить вывоз в родные степи той несметной добычи, которая была захвачена его воинами.

Поэтому, Чингисхан предложил Цзиньцам мир, требуя от них выкупа, который должен был состоять в том, что Цзиньский государь выдает свою дочь за монгольского хана с бо-

гатым приданым. Цзиньцы дали свое согласие, император представил Чингис-хану свою приемную дочь, младшую дочь своего предшественника, с богатым приданым, которое состояло в значительном количестве золота и серебра, из пятисот мальчиков, пятисот девочек и трех тысяч коней. После этого Чингис-хан начал свой отход на родину.

Но враждебные действия вскоре открылись снова, раньше, может быть, чем того желали Цзиньцы, которые надеялись, пользуясь перемирием, восстановить укрепления, разрушенные монголами, и возвести новые. Мир был нарушен Чингис-ханом по следующему поводу. Монгольский хан послал было гонцов в Южный Китай к Сунам, с предложением союза, но Цзиньцы оказали решительное противодействие. Вместе с тем пришло известие, что Цзиньский государь покинул Пекин, оставив там наследника престола, с тем, чтобы перенести свою резиденцию в город Бянь, более отдаленное от границы место; во время этого переселения императорского двора, часть сопровождавших войск, состоявших из киданей, взбунтовалась, повернула обратно к Пекину и обратилась к Чингис-хану с изъяснением покорности и просьбой о помощи. Чингис тогда тотчас же двинул свои войска на Цзиньцев. Джебе-ноян опять должен был взять Цзюйюнь-

гуань, Мукали был направлен в южную Ман-джурию, а другие полководцы вместе с корпусом передавшихся монголам джурдженей и киданей подошли к средней столице Пекину и осадили ее. Армии, посылаемые на помощь Цзиньским императором, были разбиты монголами и Пекин сдался летом 1215 года.

Чингис-хан в это время находился в местности, лежавшей за Великой Стеной, куда он удалился, избегая сильных жаров, и откуда он мог руководить всеми действиями, направленными против неприятелей. Получив известие о падении Пекина, Чингис-хан отправил Шиги-Кутуку и еще двух своих приближенных сосчитать добычу и в особенности принять Цзиньские императорские сокровища. Цзиньский вельможа, хранивший казну и сокровища своего государя, хотёл было поднести богатые подарки посланцам монгольского хана. Шиги-Кутуку тогда заявил ему: — «В прежнее время, золото и ткани Средней столицы принадлежали Цзиньскому государю; а теперь они принадлежат Чингис-кагану; как можно самовольно брать их». Он не согласился, таким образом, принять подарки; но не так поступили два его товарища. Узнав о происшедшем, Чингис-хан сделал выговор принявшим подарки, а Шиги-Кутуку наградил и сказал ему: — «Будь у меня очами и ушами». Так

всегда Чингис ревниво относился к своему достоянию, к тому, что считал принадлежавшим ему, и всегда очень ценил такое отношение к делу, какое проявил Шиги-Кутуку.

После взятия Пекина Чингис-хан отправил корпус своих войск сделать набег на Южную столицу Цзиньцев, куда удалился их государь, город Бянь, названный затем Кай-фын-фу. Вряд ли Чингис-хан предполагал захватить этот город и окончательно покончить с Цзиньцами; он хорошо понимал, что это дело будущего и что для этого потребуется еще много лет борьбы. Между тем, корпус, отправленный Чингисом, проник в провинцию Хэнань и дошел до Южной столицы, после чего была захвачена монголами важная крепость Тун-гуань. Цзиньский двор еще перед этим совсем пал духом и обратился к Чингису с предложением мира. Ответ, который дал монгольский хан явно показывал, что Чингис теперь совсем уже не думал ограничиваться захватом добычи, а хотел прочно утвердиться в завоеванных местах. Чингис-хан требовал, чтобы Цзиньский император оставил бы все провинции на север от реки Хуан-хэ и, отказавшись от титула императора, стал бы скромно именоваться королем Хэ-наня. Цзиньцы не нашли возможным согласиться на эти условия, и военные действия продолжались, продолжались в разных

местностях Китая уже под руководством полководцев Чингис-хана, главным образом, Мукали, который вскоре после этого был назначен, сохраняя свой пост начальника монгольской рати левой стороны, наместником хана. Сам же Чингис-хан вернулся к своим ставкам на реке Керулене весной 1216 года.

Х.

ЧИНГИС В КИТАЙСКОМ ПОХОДЕ. ВСТРЕЧА С ЕЛЮЙ-ЧУЦАЕМ

Во время войны с Цзиньцами, во время этих походов на огромных пространствах, особенно наглядно и выпукло сказался воинский гений Чингис-хана, гений полководца. Чингис проявил себя не только опытным и искусным вождем армии, смелым и талантливым руководителем битв и сражений, но и замечательным стратегом, руководителем больших воинских действий и маневров, совершаемых армиями и отдельными отрядами. С необычайным искусством и знанием людей пользовался он также услугами своих и передавшихся на его сторону вражеских полководцев, давая каждому задания, сообразно его способностям. Огромные организаторские таланты Чингиса проявились в быстром создании полков и целых корпусов из китайцев, джурдженей и киданей, которые, подчинившись монгольской военной дисциплине, увеличивали его силы и позволяли

ему сберегать чисто-монгольские войсковые части.

Очень часто Чингис-хану приписывают совершение во время походов на Китай невероятных жестокостей, избиеие тысяч пленников, вырезывание населения целых городов и даже провинций. Но более внимательные и осторожные исследователи убедились, что все эти рассказы о жестокости Чингиса и его монголов совсем не соответствуют исторической истине. Это представление о кровожадности Чингиса опровергается, помимо других данных, уже тем, что массы киданей, китайцев, простые воины, генералы и вельможи, переходили на сторону монгольского завоевателя и находили у него приют и возможность поступать к нему на службу. Это отношение к населению враждебного государства, конечно, не могло помешать Чингису приказать устроить резню в какомнибудь китайском городе, который оказал упорное сопротивление или совершил вероломный поступок по отношению к монгольским воинам, раз он видел в этом необходимость, диктуемую законами войны, но никогда он не проявлял ненужной жестокости и кровожадности.

После взятия Пекина Чингис-хану был представлен Елюй-Чуцай, потомок царствовавшего дома киданей. Елюй-Чуцай был уже совсем китайцем по культуре и воззрениям, это был

не только хорошо образованный человек, но и автор тонких и изящных стихотворений. Елюй-Чуцай понравился Чингису своей наружностью, своим высоким ростом, длинной бородой и звучным голосом. Монгольский хан сказал ему: — «Дом Кидань и дом Цзинь были всегда врагами. Я отомстил за тебя». — «Мой отец, мой дед и я сам, — ответил Елюй-Чуцай — мы все были подданными и слугами Цзиньцев; я был бы криводушным лжецом, если бы питал враждебные чувства по отношению своего государя и отца». Такой ответ, конечно, должен был понравиться Чингис-хану, который, как известно, всегда и везде, даже у своих врагов, требовал от вассалов и слуг верного и честного исполнения долга по отношению к их господину; Чингис, поэтому, оставил Елюй-Чуцай при своем дворе. К этому побуждало хана и то обстоятельство, что Елюй-Чуцай славился, как искусный астролог; Чингис видел в нем человека, обладающего такими познаниями, какие могут принести пользу его державе и ему самому. Это было характерное отношение Чингиса к представителям духовной культуры цивилизованных наций. Оставаясь необразованным степняком, не имея никакого понятия о науке и о высших формах искусства, Чингис-хан всегда хорошо относился ко всем «ученым», потому что рассчитывал

пользоваться их познаниями для своих, хотя бы и примитивных, целей. При сношениях с чужеземцами Чингис проявлял ту же поразительную способность быстро постигать людей и делать правильный выбор. Так случилось и с Елюй-Чуцаем; приближенный за свои астрологические познания, Чуцай сделался впоследствии выдающимся государственным деятелем монгольской империи.

XI.

ПЕРЕД ПОХОДОМ НА ЗАПАД

Чингис-хан вернулся из похода на Цзиньцев с огромной добычей, которая состояла, главным образом, из разного рода золотых и серебряных изделий, различных тканей, в особенности шелковых, вьючных животных; частью добычи считались также и рабы, а также всякого рода мастера и художники. Чингис, конечно, не один завладел этим несметным достоянием, ему отошла только лучшая часть; остальное пошло его сподвижникам, его темникам, тысячникам и сотникам, всем монгольским аристократам; не были обездолены и простые воины. В станах Чингиса с этого времени появляется роскошь, тонкие ткани и сотни ловких китайских слуг, появляются разные ремесленники, мастера и художники. Колесницы и юрты станов Чингисовых кажутся китайским путешественникам величественными, им представляется, что такого великолепия не было даже у владык древних гуннов. Но, в общем, Чин-

гис-хан и не думал вводить у себя чопорного придворного этикета вообще, и в обиходе своих ставок оставался при прежних степных обычаях, ничего не заимствуя от китайцев. Любопытен следующий рассказ китайского генерала Мэн-хуна о приеме Чингисом Сунского посланника: — «Однажды царь (то-есть Чингис-хан) послал за нашим посланником, и когда он пришел, то сказал ему: нынче играли в мяч, почему же ты не приходишь? Тот отвечал, что его не приглашали и потому он не смел придти. Тогда царь возразил: ты по прибытии в мое царство сделался домашним человеком; приходи всякий раз веселиться с нами, когда бывает пиршество, игра в мяч или облава; к чему еще дожидаться зову? После этого он захохотал, оштрафовал посланника шестью бокалами и отпустил его к вечеру, когда он уже чрезвычайно охмелел. . . . Когда наш посланник прощался, то царь наказывал провожатому: в каждом хорошем городе останавливай его на несколько дней, давай лучшее вино, чаю, пищи, чтобы хорошие мальчики музыканты играли для него на флейте, а красавицы бряцали на инструменте».

Чингис-хан вообще не оказался обольщенным прелестями китайской культуры; и теперь, после похода на Цзиньское государство, после долговременного пребывания в Китае и

Китайской империи, в особенности в этой стране
и в ее провинциях и в степной провинции.
Чингис хану пришлось непосредственно
управлять уйгурскую землю и управлять ей
лично. С этой же целью походящей для
этого народа. Действительно, уйгуры из
тех культурных народов, с которыми при-
шлось столкнуться монголам в XII веке, были
самым близким к ним во всех отношениях; у
них, кроме того, сохранились еще разные степ-
ные обычаи и воззрения, благодаря которым
они становились особенно близки монголам.
Среди уйгуров той поры были распространены
христианство, манихейство, буддизм и маго-
метанство, но, по разным причинам, религии
эти не вносили розни и не создавали фанатиз-
ма; во всяком случае национальное сознание у
уйгуров главенствовало над религиозным. Чин-
гис же попрежнему не оказывал предпочтения
никакой религии, попрежнему оставался верен
преданиям своего народа, оставался верным
шаманистом. Не изменились после похода в
Китай и взгляды Чингиса на государство, госу-
дарственный строй: Чингис продолжал придер-
живаться неизменно прежней аристократи-
ческой системы и заботиться только о господстве
своего рода, поддерживаемого степной монголь-
ской аристократией. Конечно, теперь с ростом
империи, Чингису приходилось увеличивать

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ
НАХОДИТСЯ В НАЧАЛЕ ДОКЛАДА
ЦИВИЛЬНЫМ КОМПЕТЕНТНЫМ
ОБЪЕКТАМ РАБОТЫ ЗА ПЕРИОД
С 1 ИЮНЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ
1954 ГОДА. В ДОКЛАДЕ
УКАЗАНЫ ИТОГИ РАБОТЫ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ
ПОДЛЕЖАЩИХ РЕШЕНИЮ
ЦИВИЛЬНЫМИ КОМПЕТЕНТНЫМИ
ОБЪЕКТАМИ ЗА ПЕРИОД
С 1 ИЮНЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ
1954 ГОДА. В ДОКЛАДЕ
УКАЗАНЫ ИТОГИ РАБОТЫ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ
ПОДЛЕЖАЩИХ РЕШЕНИЮ
ЦИВИЛЬНЫМИ КОМПЕТЕНТНЫМИ
ОБЪЕКТАМИ ЗА ПЕРИОД
С 1 ИЮНЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ
1954 ГОДА.

В ДОКЛАДЕ УКАЗАНЫ
ИТОГИ РАБОТЫ ПО
ИСПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ
ПОДЛЕЖАЩИХ РЕШЕНИЮ
ЦИВИЛЬНЫМИ КОМПЕТЕНТНЫМИ
ОБЪЕКТАМИ ЗА ПЕРИОД
С 1 ИЮНЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ
1954 ГОДА. В ДОКЛАДЕ
УКАЗАНЫ ИТОГИ РАБОТЫ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ
ПОДЛЕЖАЩИХ РЕШЕНИЮ
ЦИВИЛЬНЫМИ КОМПЕТЕНТНЫМИ
ОБЪЕКТАМИ ЗА ПЕРИОД
С 1 ИЮНЯ ПО 30 СЕНТЯБРЯ
1954 ГОДА.

злых врагов Чингис-хана. Один из сыновей Токтоа был взят в плен и приведен к царевичу Джучи, которого он очаровал своим искусством метать стрелы; Джучи обратился, поэтому, к своему отцу с просьбой пощадить искусного стрелка. Но Чингис-хан сурово ответил ему, что завоевал много земель и народов для своего рода и, поэтому, может обойтись без отпрыска вражеского племени, и приказал предать смерти сына Токтоа.

Джебе-ноян был отправлен против Кучлука, сына найманского государя, Таян-хана. После разгрома найманов Кучлук бежал с небольшой шайкой в Семиречье, где ему удалось, воспользовавшись движением мусульман против Гурхана, то-есть государя народа кара-китаев, вышедшего из Китая и основавшего там государство в первой половине XII-го века, захватить власть в свои руки и утвердиться в Восточном Туркестане. Кучлук очень скоро сам оказался непримиримым врагом мусульман тем более, что он под влиянием своей жены, знатной каракитаянки, отказался от христианства и перешел в буддизм, на который мусульмане смотрели, как на идолопоклонство.

Джебе-ноян, отправленный против Кучлука в 1218 году, всего с двумя корпусами монгольского войска, то-есть с силами около 20.000 человек, с необыкновенным искусством вос-

пользовался притеснениями, которые чинил против мусульман Кучлук. Монгольский полководец, как достойнейший ученик и сподвижник своего гениального императора, объявил, вступив во владения Кучлука, что каждый может исповедывать веру, какую ему будет угодно, и что мирные жители не потерпят никакого урона. Население скоро убедилось, что слова Джебе-нояна не простая приманка; благодаря изумительной дисциплине, которая царил в его отряде, все происходило так, как было объявлено. Повсюду начались восстания против Кучлука, и монголов стали принимать как избавителей. Кучлук сделал попытку остановить монголов в Семиречьи, но был разбит и бежал в Кашгарию, где, наконец, был достигнут и убит войнами Джебе-нояна.

Этот замечательный полководец и ловкий политик прославил имя Чингиса не только тем, что уничтожил врага своего государя и завоевал для него обширные области, но и тем, что создал ему, и его монголам, особый ореол в глазах всех мусульман. Действительно, небольшой отряд Чингис-хана легко справился с врагом Ислама, не причинив мирным жителям никакого вреда, тогда как тогдашний могущественный мусульманский государь, хорезмшах Мухаммед, не мог ничего поделать и должен был сам опустошить свои владения на правом

берегу Сыр-Дарьи, чтобы они не достались только Кучлуку.

Это обстоятельство сыграло значительную роль в столкновении Чингис-хана с хорезмшахом, которое было ускорено особыми событиями, тоже не послужившими к славе этого мусульманского владыки и вызвавшими монгольское нашествие.

ХИ.

ПОХОД НА ЗАПАД

Захват Чингис-ханом Пекина и произведенный им разгром Цзиньской державы прославили имя монгольского хана и вызвали живой интерес к монгольскому завоевателю у хорезмшаха, который сам мечтал завладеть богатствами Китая. В тогдашней восточной части мусульманского мира постепенно достигла господства династия турецкого (тюркского) происхождения хорезмшахов, искусно использовавшая природные условия своих коренных владений, лежавших по Аму-Дарье. Представитель этой династии, современник Чингисхана, был хорезмшах Ала-ад-дин-Мухаммед, которому принадлежали Туркестан, Афганистан и Персия. Государство хорезмшаха было громадно, но зато сильно расстроено. Мухаммед сумел восстановить против себя как мусульманское духовенство, так и военное сословие, не шли за ним и народные массы. В государ-

стве его не было объединяющего центра, как и не было у его подданных представления о государстве хорезмшаха, как о своем отечестве; население областей, подчинявшихся хорезмшаху Мухаммеду, не могло быть даже объединено им на почве мусульманского религиозного самосознания, потому что он сам не раз оскорблял религиозные чувства мусульман.

Узнав об успешном нападении монголов на Китай, хорезмшах отправил к Чингис-хану посольство, которое должно было проверить ходившие слухи о монгольском завоевателе и собрать достоверные сведения о его силах. Посольство это попало к Чингис-хану уже после занятия Пекина монголами и было очень милостиво принято Чингисом. Монгольский император был рад возможности установить торговые сношения с культурными странами мусульманского Востока, сношения, которые позволяли бы найти монгольским кочевникам, производящим так мало, новый прилив необходимых им изделий и товаров. По рассказам своих давнишних приспешников — мусульманских купцов — Чингис-хан хорошо знал о государстве хорезмшаха и вполне правильно учитывал все выгоды от возможности войти с ним в правильные торговые сношения. Хорошо это понимали и мусульманские купцы, которые лишний раз могли убедиться в том, что их

интересы, как капиталистов, вполне совпадают с интересами, хотя и иноверного, но безусловно веротерпимого, щедрого и могучего монгольского государя.

Чингис-хан велел передать хорезмшаху, что считает его повелителем Запада, как себя владыкой Востока и будет очень рад их взаимной дружбе и тому, чтобы купцы могли бы свободно переезжать из одной страны в другую. Пользуясь тем, что границы владений Чингисхана и хорезмшаха стали соприкасаться, купцы из владений Мухаммеда одновременно с посольством хорезмшаха снарядили торговый караван, который благополучно и достиг орды Чингиса. Мусульманские купцы были приняты тоже радушно и даже с большим почетом. Но, очевидно, вновь прибывшие мусульмане не имели настоящего представления о Чингисхане, потому что они вызвали гнев монгольского хана назначением слишком высокой цены за свои товары. Впрочем, купцам вскоре же пришлось убедиться как в том, что предметы, привезенные ими, не составляют новинки для монголов, так и в справедливости и великодушии монгольского императора.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингисхан со своей стороны снарядил к нему послов и торговый караван, причем личный состав как посольства, так и каравана монгольского

хана состоял из мусульманских купцов, уроженцев Хорезма, Бухары и других владений, принадлежавших хорезмшаху Мухаммеду. После везли Мухаммеду богатые подарки и предложение Чингис-хана упрочить безопасность торговых сношений между обоими государствами. Посольство и караван прибыли во владения хорезмшаха в 1218 году. Но, в то время, как Мухаммед принимал послов монгольского государя, торговый караван был разграблен в Оtrarе, и купцы все перебиты по приказанию заместника хорезмшаха. Посланцы Чингис-хана пали жертвой жадности и подозрительности хорезмшаха; Мухаммед, хотя и не отдавал, быть может, приказа убить посланцев, но после катастрофы стал на сторону своего заместника и отказался его выдать. Наоборот, он нанес новое оскорбление Чингис-хану, приказав убить его посла, явившегося с требованием выдачи Оtrarского заместника, а слугам его отрезать головы.

Чингис-хан, узнав о случившемся, был очень гневен. Он послал в Оtrar войско, которое разграбило город и перебило купцов. Чингис-хан, узнав об этом, послал в Оtrar войско, которое разграбило город и перебило купцов. Чингис-хан, узнав об этом, послал в Оtrar войско, которое разграбило город и перебило купцов.

хан пролил слезы негодования и, по своему обыкновению, обратился к Вечному Синему Небу, к которому он всегда прибегал в трудные минуты своей жизни. Взойдя на вершину горы, он снял с себя шапку, надел свой пояс на шею и молил Вечное Небо помочь ему отомстить за нанесенное оскорбление.

Когда Джебе-ноян закончил свой поход против Кучлука, Чингис всецело отдался приготовлениям к походу на запад, походу, который опрокинул столько государств и получил такое значение во всемирной истории.

Чингис-хан созвал сейм — курултай, — на который съехались все члены императорского дома, сподвижники Чингиса и вообще монгольская родовая аристократия. Курултай был собран Чингисом, конечно, не для того, чтобы получить одобрение своим планам со стороны своих родичей и знати, а для того, чтобы иметь возможность, наилучшим образом организовать новое большое предприятие и лично дать всем необходимые руководящие наставления. Вообще, в монгольском курултае отнюдь нельзя видеть подобие парламента европейских государств или народного собрания греческих городов-республик. Власть монгольского хана, в особенности такого, как Чингис, была неограничена.

С особым старанием готовился к походу на

запад Чингис-хан потому, что, очевидно, превеличивал силу и мощь хорезмшаха Мухаммеда, что было весьма вероятно, потому что все свои сведения Чингис черпал у мусульманских купцов, которые, по весьма понятным причинам, изображали Мухаммеда более могущественным, чем он был на самом деле. Впрочем, осторожность всегда была одним из качеств Чингис-хана и в особенности осторожность в военном деле.

Наместником своим в Монголии Чингис повелел быть младшему брату; Мукали с войсками левой стороны был оставлен попрежнему в Китае, где мог продолжать завоевание страны. С собой Чингис взял в поход свою супругу Кулан; вместе с могольским каганом отправились все главные его сподвижники, все четыре царевича; Елюй-Чуцай тоже должен был ехать вместе с Чингисом. Чингис-хан двинул на запад все имевшиеся у него в распоряжении силы, присоединив к ним и некоторое количество войск, которые были выставлены его вассалами. Между прочим, Чингис-хан потребовал вспомогательные войска от тангутского государя, против которого он предпринимал победоносный поход в 1218 году. — «Ты обещался быть у меня правой рукою. Теперь народ Сартагул (так монголы называли хорезмийцев), убил моих послов, и я иду требовать у него

удовлетворения; ты будь моей правой рукой», приказал сказать Чингис-хан тангутскому государю. Прежде чем тот успел дать ответ монгольскому послу, сановник его Ашаганбо сказал: — «Если силы у тебя не достают, так не будь и царем». Тангутский государь согласился со словами своего сановника и отказался выставить вспомогательное войско. Чингис, узнав об этом, сказал: — «Как смел Ашаганбо говорить так? Разве мне трудно двинуть мою рать прямо на них? Но, согласно моему плану, не стану воевать с ними, а если Небо поможет мне и сохранит меня, то пойду на них, по возвращении от Сартагул».

Чингис-хан, действительно, имел полное право говорить о своих планах, потому что перед отправлением в поход он составил подробный и основательный план будущей кампании, отлично изучив, по рассказам мусульманских купцов, те земли, куда он предполагал двинуть свои войска; хорошо был осведомлен Чингис-хан и о политическом положении своих врагов и сумел искусно использовать недовольство, царившее во владениях хорезмшаха против Мухаммеда.

Двинувшись в поход со своими главными силами, Чингис-хан лето 1219 года провел на Иртыше и, пойдя далее, осенью в Каялыке присоединил к себе войска своих вассалов.

Войска Чингиса до начала враждебных действий занимались облавными охотами, которые служили для добывания провианта, а также военными маневрами, и откармливанием своих коней. Все войска, собранные Чингисом против хорезмшаха, вряд ли превосходили 200 000 человек.

Хорезмшах располагал силами гораздо более многочисленными, но зато по своему качеству силы эти значительно уступали войскам Чингис-хана. Войска хорезмшаха, прежде всего, были разноплеменными, плохо дисциплинированы, хорезмшах не доверял своим полководцам и боялся объединять свои армии в одном месте. Затем, в войсках хорезмшаха не оказалось настоящего полководца, который мог бы, действительно, руководить массами своих воинов; многие из сторонников хорезмшаха оказались способными совершать геройские подвиги во главе небольших отрядов, но никто, даже энергичный и талантливый сын Мухаммеда, Джелаль-ад-дин, не умел предводительствовать и руководить большими военными силами. Между тем, в монгольских войсках, надвигающихся на хорезмшаха с востока, царил железная дисциплина, во главе «тысяч» и корпусов стояли испытанные, часто очень талантливые, полководцы, а во главе всей монгольской армии стоял человек, которого, без стра-

ха за превувеличение, можно было назвать военным гением.

Хорезмшах Мухаммед не решился встретить своего противника в открытом поле; он оставил по разным городам Туркестана значительные гарнизоны, а сам удалился вглубь государства собирать ополчение. Хорезмшах не мог даже надеяться вызвать религиозную вражду мусульман против нападающих врагов-язычников. Непосредственные причины, вызвавшие нашествие Чингис-хана, были известны, конечно, многим; причем хорошо было известно, что огромное большинство перебитых в Отраре посланцев Чингиса были мусульмане. Кроме того, совершенно невозможно было уже скрыть того обстоятельства, что один из полководцев Чингис-хана, Джебе-ноян, легко расправился с гонителем мусульман, Кучлуком, и, действительно, оказался освободителем мусульманского населения Восточного Туркестана.

XIII.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧИНГИСА В ТУРКЕ- СТАНЕ, АФГАНИСТАНЕ И ПЕРСИИ

Осенью 1219 года Чингис-хан подошел к Оtrarу и осадил его: так началась эта знаменитая война. Оставив несколько корпусов для осады, Чингис двинул часть своих сил под командой Джучи вниз по Сыр-Дарье, а небольшой отряд — вверх. Сам же Чингис-хан, вместе с младшим сыном Гудук, пошел на Бухару. В Otrar, еще до падения города, на сторону Чингиса перешел важный слободник, который в Китае имелось императору своим почтом сообщал о важнейших делах в государстве каракитаев. Благодаря редкой дисциплине каракитского войска Чингис-хан имел возможность пройти вконец пустыню и город Бухару, не рискуя быть там встреченным: оба города считались восточными караванными почтами Китая и Китая. Монголы разорили город Оtrar и захватили

THE GREAT ...

I ...

I ...

Его привели к монгольскому императору, тот удовлетворил свою жажду мести и казни, а местный князь жестокой казнью.

После неудачной вылазки, на которую вывели и местный жителя решил Чингис-хану. Вступив в город, монголы разрушили укрепления, вывели жителей, подвергли разграблению их имущество, раз только пощаждено было мусульманское духовенство и те лица, какие находились при его покровительстве. Взяв штурмом Чингис жестоко расправился со своим гарнизоном города, состоявшим из тюркских воинов хорезмшаха вместе со своим предводителем. Так Чингис хотел устрашить туркмен хорезмшаха и отбить у них сопротивление монголам.

Находясь под Самаркандом, Чингис известил о том, что его отряды, двигаясь вверх и вниз по Аму-Дарье действовали успешно. Тогда он отправил с отрядами для завоевания разных областей преследования хорезмшаха два (корпуса) под командой Джамал-багатура и Тогучар-багатура. Они получили задание пересечь Аму-Дарью и, не трогая городов и жителей, насколько это предсто-

Его предельно в молчаливому императору и
тогда удовлетворил свою жажду мести, предав
каждого жителя казни.

После неудачных вылазок, на пятый день
гарнизон и местные жители решили сдаться
Чингис-хану. Вступив в город, монголы раз-
рушили укрепления, вывели жителей вон и
подвергли разграблению их имущество; на этот
раз только пощажено было мусульманское
духовенство и те лица, какие находились под
его покровительством. Взяв штурмом цитадель,
Чингис жестоко расправился со сдавшимся
ему гарнизоном города, состоявшим из турец-
ких (тюркских) воинов хорезмшаха: все они
вместе со своим предводителем были перебиты.
Так Чингис хотел устрашить турецких защит-
ников хорезмшаха и отбить у них охоту к со-
противлению монголам.

Находясь под Самаркандом, Чингис получил
известие о том, что его отряды, посланные им
вверх и вниз по Аму-Дарье действовали также
успешно. Тогда он отправил снова несколько
отрядов для завоевания разных городов, а для
преследования хорезмшаха двинул три тьмы
(корпуса) под командой Джебе-нояна, Субе-
деи-огаатура и Тогучар-огаатура. Эти полко-
водители получали задание переправиться через
Аму-Дарью и, не трогая городов и мирных жи-
телей, несколько это представлялось возмож-

ным, преследовать без усталы хорезмшаха Мухаммеда. Чингис-хан знал, что его враг бежит вглубь своих владений для того, чтобы собрать значительные силы и организовать сопротивление. Чингис, получив точные сведения, отправил особые отряды, под начальством своих лучших полководцев, в особенности таких талантливых, как Джебе и Субедей, с тем, чтобы они, приведя все в расстройство, зашли бы в глубокий тыл неприятелю, после чего Чингис мог бы двинуться сам с главными силами и напасть на противников с двух сторон. Но хорезмшах не сумел организовать никакого сопротивления; ему удалось, правда, ускользнуть от неустанно преследующих его отрядов Джебе и Субедея и достигнуть одного островка на Каспийском море, где он вскоре и умер. Монгольские же полководцы, Джебе и Субедей, совершили после этого свой, поистине изумительный, поход через Кавказ, проникли в южно-русские степи, где разбили русских князей при Калке и через Кипчакские степи вернулись к Чингис-хану.

Лето 1220 года Чингис-хан провел в окрестностях Несефа, где впоследствии возник город Карши. Это были места, очень удобные для летовок кочевников. Чингис и воспользовался ими, чтобы поправить своих коней и дать возможность отдохнуть своим ратникам. Между

тем, недавно завоеванные монголами земли Туркестана стали уже оправляться от последствий войны; монгольский император принял ряд мер для восстановления мирной жизни. В завоеванных городах Чингис-хан сажал своих наместников губернаторов, обычно из среды самих же мусульман; в городах же, где оставались монгольские гарнизоны, вместе с туземным губернатором ставился еще и монгольский правитель.

Осенью Чингис-хан подошел к Тармизу, который и был взят им после серьезного сопротивления штурмом. Во время кратковременной осады этого города Чингису большую службу сослужили катапульти (метательные сооружения), которые заставили замолчать орудия неприятелей и дали ему возможность продвинуть к стенам штурмующие колонны. Катапульти эти были построены для Чингис-хана мусульманскими инженерами. Чингис вообще умел замечательно хорошо использовать все средства и возможности, какими располагали завоевываемые им культурные народы, причем находившиеся у него на службе представители этих народов всегда были простым орудием в его руках и должны были послушно выполнять его волю.

Зиму 1220—21 гг. Чингис-хан провел на удобных для зимовок берегах Аму-Дарья, от-

правив поздней осенью сильный отряд под командой трех царевичей и Богурчи-нояна против Хорезма и его столицы, Гурганджа, которые находились тогда в цветущем состоянии и могли бы оказаться опасными для разрозненных корпусов армии Чингис-хана. В Хорезме правила энергичная мать хорезмшаха, Туркан катун. Но на этот раз она предпочла бежать, как только узнала об оставлении Аму-Дарьи хорезмшахом, и была захвачена монголами уже в Персии; впоследствии эта влиятельная и жалостливая женщина была уведена Чингис-ханом в Монголию, где прожила еще довольно много, пережив великого самодержавца мира. Немногочисленная продолжительной осады Гурганджа была взята монголами; Чагатай и Угедэй выступили в поход 1221 года к священной горе, которой в то время осаждали Талькан.

Чингис-хан, преследуемый чуждыми войсками Аму-Дарьи весной 1221 года, вместе с женой и детьми бежал к Талькану. Оттуда он послал в Гургандж армию для выжидательного ожидания монголов, пока партия Гурчей была занята на Гургандже.

Между тем, как происходила осада Гурганджа, Аму-Дарья была занята войсками, которые были посланы им отсюда в Персию, чтобы встретить отряды. Когда войска, посланные им в Персию, были заняты в Гургандже, и отряд стал...

Чингис-хана. Это был очень храбрый и энергичный человек, который не хотел подражать своему отцу, и решился броситься в борьбу с Чингис-ханом, не особенно задумываясь о качествах монгольского войска и его вождя, и о своих собственных силах, которые были далеко не надежны; но на это решение его толкала личная храбрость, может быть, чувство долга и, главным образом, темперамент авантюриста. Против Джелаль-ад-дина Чингис-хан отправил Шиги-Кутуку-нояна, с которым мы уже встречались раньше. Монгольский полководец потерпел поражение от Джелаль-ад-дина при Перване. Шиги-Кутуку должен был с остатками своего отряда вернуться к Чингис-хану. Битва эта была единственной крупной неудачей монголов за всю войну. Чингис-хан и в данном случае обнаружил величие духа и с полным спокойствием принял известие о поражении своего отряда. — «Шиги-Кутуку, — заметил он, — привык всегда быть победителем и еще никогда не испытал жестокости судьбы; теперь, когда он испытал эту жестокость, он будет осторожнее». Чингис, который сам не раз испытал эту «жестокость судьбы», любил напоминать своим полководцам о превратности счастья, особенно ценя в людях качество, которым сам обладал в полной мере: осторожность. Так, например, получив известие об

успешных действиях Джебе-нояна против Кучлука, он послал ему сказать, чтобы он не гордился победой, потому что гордость погубила Ван-хана керейтского и Таян-хана найманского. Чингис-хан вообще очень любил Шиги-Кутуку за его светлый ум, за способности к усвоению нового и за удачу, которую тот проявил еще в ранней молодости. Однажды, стану Чингис-хана пришлось кочевать в лютую стужу, при глубоком снеге. Невдалеке от кочующих пробежало стадо оленей. Шиги-Кутуку, которому тогда было пятнадцать лет, заметил их, попросил разрешения у начальника стана отправиться преследовать животных, которые не могли бежать быстро из-за глубокого снега. Вечером, когда стан остановился на ночлег, Чингис заметил отсутствие Шиги-Кутуку и, узнав как было дело, разгневался на начальника стана за то, что тот отпустил мальчика в такую стужу. Но как раз в то время явился Шиги-Кутуку и объявил, что из тридцати оленей он убил двадцать семь; туши их, действительно, были найдены потом в снегу. Чингису пришлось по душе отважный поступок мальчика, и он полюбил его еще больше.

Выяснив степень поражения Шиги-Кутуку, Чингис-хан стал принимать меры для того, чтобы исправить последствия этой неудачи. Дже-

лал-ад-дин же воспользовался своей победой только для того, чтобы варварски замучить пленных монголов; он не сумел даже прекратить ссор в среде своих военачальников и не дать разгореться национальным страстям в своем разноплеменном войске, лишний раз показывая, что он был смелым авантюристом, а не настоящим полководцем. Так как Талькан был уже взят монголами, Чингис-хан двинулся против Джелал-ад-дина с главными силами. По дороге Чингис осмотрел поле битвы при Первоне и сделал выговор за неудачный выбор позиции. Джелал-ад-дин продолжал отступать и Чингису пришлось преследовать его до самого Инда, на берегах которого и произошла решительная битва осенью 1221 года. Джелал-ад-дин не успел переправиться на другой берег, не успел переправить и свое семейство и свое достояние. В происшедшей битве, в которой монгольскими войсками Чингис-хан руководил лично, Джелал-ад-дин потерпел полное поражение, не помогла ему и личная храбрость и мужество окружавших его. Мусульманские войска были быстро смяты ударом корпуса багатуров, которых Чингис-хан искусно ввел в бой в самый нужный момент. Окруженный с трех сторон линиями монгольской кавалерии, Джелал-ад-дин, бросая все, оставляя своих жен и детей победителям, кинулся с конем в

Инд и переправился на другой берег. Говорят, Чингис-хан не оставил без внимания смелого поступка своего врага и сказал своим сыновьям, что они должны брать пример с этого мусульманского храбреца.

Битва при Инде была единственной за всю войну, когда мусульмане решились в открытом поле сопротивляться самому Чингис-хану, и в памяти монголов Джелаль-ад-дин сделался главным врагом Чингиса. О хорезмшахе Мухаммеде, игравшем такую жалкую роль, они позабыли; чествуя знамя Чингиса, которое водило их когда-то к славным победам, современные монголы поминают только Джелаль-ад-дина и благодарят духа — хранителя войска, за поражение, которое ему было нанесено.

Так как царевич Тулуй блистательно выполнил возложенную на него задачу, покорив в краткий срок три больших города Хорасана: Мерв, Нишабур и Герат, то Чингис-хан решил двинуться назад; вначале он предполагал идти через Индию, Гималаи и Тибет, но ряд обстоятельств помешал выполнению этого плана. Прежде всего, пути через горы были завалены снегами, затем гадалели, в том числе и знаменитый Елюй-Чуцай, советовали Чингис-хану не проникать в Индию, а к голосу гадалелей монгольский хан прислушивался всегда;

наконец, пришло известие о явном восстании тангутов. Лето 1222 года Чингис-хан провел в прохладных местах близ Гиндукуша.

Поход Чингиса на Инд и возвращение по северной части Афганистана, где было много еще не покоренных горных крепостей, может считаться одним из самых замечательных военных дел грозного завоевателя. Действительно, несмотря на самые тяжелые местные условия, монгольская армия, руководимая своим гениальным вождем, ни разу не была поставлена в трудное положение.

Весной в 1222 году к Чингису прибыл из Китая знаменитый даос, монах Чан-Чунь. Чингис давно уже слышал об его благочестивой жизни и еще в 1219 году пригласил его к себе, желая, повидимому, получить «лекарство для вечной жизни», так как слышал о том, что последователи китайского мыслителя Лао-цзы—даосы занимаются отысканием «философского камня» и очень сильны в магии. На самом же деле Чан-Чунь, философ и поэт, принадлежал к школе даосизма, которая искала в психическом мире этого «Дао» (философского камня) и отвергала материальную алхимию, которою занимались другие школы.

Когда китайский отшельник, которому, во время его долгого и трудного пути по приказу кагана, везде оказывали большой почет, при-

был в Самарканд и прожил там некоторое время, к нему прибыл из ханской ставки посланец с таким повелением Чингис-хана: — «Святой муж! ты пришел из страны восхода солнца, пробрался с трудом через горы и долины и утрудился крайне. Теперь я уже возвращаюсь и нетерпеливо желаю слышать толкование Дао; не поленись встретить меня».

Чан-Чунь отправился тогда в стан императора, который находился к югу от Гиндукуша и вскоре мог представиться Чингис-хану. Грозный завоеватель милостиво встретил даосского монаха и приветствовал его такими словами: — «Другие дворы приглашали тебя, но ты отказался, а теперь пришел сюда из-за 10.000 ли; мне это весьма приятно». Чингис-хан затем пригласил Чан-Чуня сесть и приказал подать угощение; потом он спросил даоса: — «Святой муж! ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить им меня?» Узнав, что «есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия», Чингис-хан ничем не выразил своего разочарования или недовольства; наоборот, он похвалил чистосердечие и прямоту китайского философа. Назначен был уже день для слушания наставлений Чан-Чуня, но пришлось его отложить из-за воинских дел; в горах было много еще неприятельских отрядов.

Отпущенный обратно в Самарканд, Чан-Чунь прибыл вновь к Чингис-хану осенью 1222 г., когда монгольский император двигался уже обратно в Монголию, и некоторое время ехал вместе со ставкой Чингис-хана. В пути император заботился о философе, приглашал его «каждый день являться к нему обедать» и присылал ему виноградного вина, дыни и закуски. Затем, Чингис-хан три раза слушал наставления китайского мудреца, причем принимал его в особо убранной юрте, где не было прислужниц. «То, что говорил учитель, хан приказал Тайши Ахаю (родом кара-катайцу, он был ханским наместником в Самарканде) передавать ему на монгольском языке. Слова его были крайне приятны, и по мысли Чингиса 19-го числа, в ясную ночь, он позвал его опять; учитель об'яснял ему учение. Хан чрезвычайно был доволен. 23-го числа, снова пригласил его в палатку, с такими же знаками уважения, он слушал учителя с видимым удовольствием, повелев присутствующим записывать его слова; кроме того, приказал изложить их китайским письмом для того, чтобы не забыть их. Он сказал присутствующим: «Шеньсянь три раза об'яснял мне средства к поддержанию жизни; я глубоко вложил его слова в сердце; не нужно разглашать их вне».

Зимой 1222 года Чингис стоял под Самар-

кандом, а в конце января он был уже на правом берегу Сыр-Дарьи.

Монгольский император был глубоко заинтересован беседами с китайским философом, с которым он встречался еще несколько раз, обращаясь к нему с разными вопросами, например, о громах, и всегда относился с большим вниманием ко всему, что говорил ему Чан-Чунь. Однажды Чингис-хан собрал царевичей, полководцев и вельмож своих и обратился к ним с такими словами: — «Китайцы чтят Шень-сяня, как вы чтите Небо; я теперь еще более убедился, что он, действительно, небесный человек». — «Небо внушило ему, — сказал он затем собравшимся, передав им то, что слышал раньше от философа, — то, что он говорил мне. Вы, каждый, запишите то в своем сердце».

В марте Чингис-хан стоял в степи на берегу реки Чирчика. Здесь, около «восточных гор», охотясь на вепря, Чингис упал с коня и едва не был убит вепрем. Чан-Чунь воспользовался этим случаем, чтобы убедить императора поменьше охотиться вследствие преклонного возраста. — «Падение с лошади, — сказал он, — есть указание Неба; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства Неба, — «Я сам уже понял это, — ответил ему Чингис-хан, — твой совет весьма хорош; мы, монголы, с ранних лет привыкли стрелять вер-

хом и не можем вдруг оставить эту привычку. Впрочем, слова твои я вложил в сердце».

Вскоре после этого Чан-Чунь попросил позволения вернуться на родину и распрощался навсегда с великим монгольским императором, который среди бранных тревог и шумной лагерной жизни так чудесно сумел оценить философа.

Посною 1223 года Чингис-хан на берегу Сыр-Дарьи встретился с сыновьями Чагатаем и Угедом, которые зимовали около устья Заряфшана, занимаясь птичьей охотой. На равнине Кулан охота была грандиозная охота на диких ослов, которых подогнал из Кипчакских степей Джучи, который, после долгого отсутствия, прибыл на свидание с отцом, пригнав еще, кроме ослзгов, в виде подарка 20.000 белых коней.

Продвигаясь даже на восток, Чингис-хан лето 1224 года провел на Иртыше, и в Монголии, в свои сказки, прибыл только в 1225 году. На границе бывших владений чагатаев он был встречен двумя деревичами, детьми своего младшего сына, Кутуз, Бойлаем и Хулигу. Один из которых стал впоследствии великим ханом и повелителем Угеса, а другой — владетелем Персии.

Наконец-то добрым духом в тревожный час на свете. Как бы в конюшню над обочинами степи.

рать мясом и жиром средний палец руки юноши, впервые отправившегося на охоту, то Чингис-хан сам совершил этот обряд по отношению своих внуков. Вместе с Чингисом вернулись на родину и три младших его сына; один старший, Джучи, остался в Кипчакских степях.

Так закончился этот поход, сыгравший важную роль в жизни Азии, а вместе с тем и в жизни всего мира, потому что он положил начало монгольскому господству в Средней Азии и образованию новых государств, возникших на развалинах империи монголов.

Чингис-хан вернулся на родину, не закончив завоевания всех земель, принадлежавших хорезмшаху; но в значительной части этих владений власть монголов была закреплена вполне. Установлено было новое управление, и страна начала быстро оправляться от разгрома.

XIV.

ПОХОД НА ТАНГУТ. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА

Зиму 1225—26 г., и лето 1226 г. Чингис-хан провел в своих ордах на берегу реки Толы, где некогда была ставка Ван-хана керейтского, тогдашнего сюзерена Темучина. Теперь престарелый монгольский император видел себя на вершине славы. Он стоял во главе огромнейшей империи, организованной и послушной его воле, стоял во главе верного и прославленного народа во главе окруженных союзниками, которые с доброй волей трудились над осуществлением его воли. И союзниками эти были не только кочевники и кочевые племена, а также и земледельцы, которые с доброй волей трудились над осуществлением его воли. И союзниками эти были не только кочевники и кочевые племена, а также и земледельцы, которые с доброй волей трудились над осуществлением его воли. И союзниками эти были не только кочевники и кочевые племена, а также и земледельцы, которые с доброй волей трудились над осуществлением его воли.

только старший сын его, Джучи, давал ему повод беспокоиться. Повидимому, это было единственное облако, которое омрачало тогда спокойное небо его жизни. У Джучи же замечалось явное стремление обособиться от отца, от империи и создать себе из своего удела, к которому была присоединена часть вновь завоеванных земель, самостоятельное государство. Джучи еще во время похода на запад был недоволен образом действия своего отца и послушных воли императора братьев; теперь же пользуясь тем, что находится вдали от ставки Чингиса, в своем уделе, Джучи прямо стал выказывать неповиновение отцу-императору.

Остался у Чингиса, впрочем, и еще неотмщенный враг: тангутский царь, не пославший монголам вспомогательного отряда. Теперь Чингис-хан решил направить на него силу своего оружия, не забывая, таким образом, сказанных когда то, перед отправлением в поход на запад, слов. Конечно, не одна только жажда мести толкала Чингиса на войну с Тангутом. Были у него и другие соображения, почему он считал совершенно необходимым завоевание этого государства.

После ухода Чингис-хана с армией из Китая, Цзиньцам удалось занять снова большую часть своих владений и Мукали, назначенному наместником кагана, пришлось повести длитель-

ную борьбу; государство Цзиньцев, этих злостных врагов дома Чингиса, продолжало, таким образом, существовать. И Чингис-хан хорошо понимал, что благодаря географическим условиям трудно, почти невозможно, будет уничтожить его до тех пор, пока власть монголов не утвердится в Тангуте, откуда легче всего сделать нападение на столицу Цзиньцев. Чингис-хан придавал походу на Тангут такое значение, что несмотря на свой преклонный возраст, решил сам вести свое войско, не доверяя выполнения задачи комунибудь из своих сподвижников. С другой стороны это решение монгольского императора показывает, что он и в глубокой старости сохранил свои душевные и телесные силы.

Чингис-хан двинулся в поход на Тангут, который оказался последним в его жизни походом, осенью 1226 года, взяв с собой супругу Есуй; царицы также сопровождали его. Поход этот увенчался полным успехом. Зимой на облавной охоте Чингис упал с коня, который, испугавшись дикой лошади, водившейся в тех местах, сбросил с себя престарелого всадника. Чингис после падения почувствовал себя настолько плохо, что царицы и старшие полководцы начали совещаться о том, как быть. На совещании один из полководцев сказал следующее: — «Тангуты народ оседлый, живу-

щий в городах; он не может скачевать; мы теперь воротимся и, когда каган выздоровеет, снова придем сюда». Собрание согласилось с этим мнением. Когда эти слова, такие характерные для кочевника, были доложены Чингисхану, он не согласился, — «Когда мы уйдем, тангуты непременно подумают, что я убоился их. Я здесь буду лечиться, наперед пошлем к ним человека; посмотрим, что они скажут». К тангутскому царю было отправлено такое послание Чингисом: — «Ты прежде обещался быть у нас правою рукою, а когда я шел на мусульман, ты не последовал за мной; кроме того еще поносил меня. Теперь, покорив мусульман, я требую от тебя удовлетворения за прежние слова твои». Со стороны тангутского государя последовал дерзкий ответ, вызвавший гнев Чингиса: — «Слыша такие надменные речи, — воскликнул он, — возможно ли нам уйти отсюда. Умру, но потребую от него отчета; клянусь в том Вечным Небом». Слова Чингиса оказались пророческими он уничтожил своего врага, но зато, действительно, умер во время этого тангутского похода.

Военные же события развивались следующим образом. Чингис-хан, как и в предыдущие большие походы, не только водил свои войска в битвы и осаждал города, но руководил всем театром военных действий, направляя свои

вил славному роду», повествует нам Рашид-ад-дин.

Тело Чингис-хана было увезено в Монголию, к его главным ордам, где императора оплакивали царевичи, нояны, и жены Чингиса; затем тело Чингис-хана было погребено на горе Буркан-Калдун, в месте, которое было указано уже давно самим каганом. Чингис охотился однажды на Буркан-Калдун; его внимание остановилось на дереве, растущем одиноко. Ему понравилось это дерево, и он просидел некоторое время под ним в приятной задумчивости. — «Это место прилично для моего последнего упокоения, — сказал он окружающим, — пусть его заметят».

XV.

НАСЛЕДИЕ ЧИНГИС-ХАНА

Чингис-хан работал для себя, для своих близких, для своего рода и оставил своим преемникам громадную империю и руководящие начала ее устройства, которые и были изложены им в его «Установлениях» — его «Джасаке» и в его «Изречениях» — «Билике». После завоевания обширных областей, культурных народов, после создания монгольской империи, взгляды Чингиса на устройство государства остались все теми же, какими они были, когда ему удалось объединить под своей властью все монгольские племена, «все поколения, живущие в войлочных кибитках». Чингис до конца дней смотрел на государство, как на вотчину, принадлежащую его роду, где все организовано и устроено так, чтобы члены этого рода и его сподвижники могли бы извлекать наивысшую пользу для себя и наслаждаться жиз-

нию. По мысли Чингиса его потомки вместе с монгольской знатью, вместе со всеми монголами должны вечно жить в условиях кочевого быта, потому что кочевникам легче и привольнее существовать, легче властвовать над оседлым населением. На оседлое население городов и сел Чингис смотрел, как на вечных рабов своего кочевого государства, обязанных трудиться для того, чтобы лучше и привольнее жилось их кочевым господам.

Аристократические взгляды Чингис-хана тоже не изменились после обширных завоеваний и знакомства с представителями культурных наций. Над империей монголов, созданной Чингис-ханом, властвует его род, алтан урук — золотой род, то-есть дети и ближайшие родственники Чингис-хана, которые вместе с монгольской знатью, сподвижниками Чингиса и их потомками, вместе с аристократической гвардией и таркатами — людьми свободного состояния, — образуют высший класс в государстве, для которого это государство и было создано и для которого оно только и существует. Принципу совместного господства рода несколько не противоречил принцип единоличной власти главы империи, — монгольского кагана, потому что каган является прежде всего главою ханского рода, самим Небом и всеми родичами избранным на это высокое место.

Империя должна быть едина, во главе ее должен стоять один хан-каган. — «Мой сан, — заявил Чингис, — пусть один сын наследует. Слова мои неизменны; не позволю нарушать их».

Но, так как империя является собственностью всего ханского рода, то Чингис признавал старую систему уделов, благодаря которой члены господствующего рода могли пользоваться частью второй общей собственности. Эти уделы (инджу) состояли из определенного количества кочевых поколений (улус), могущих выставить то или другое количество ратников и достаточное количество земель (нутук, юрт), на котором они могли бы кочевать и, используя которые, они могли бы существовать в достатке. Царевичи, братья, вдовы их и другие родичи хана могли получать свои уделы в разных местах, они могли получать их и в завоеванных странах с полным населением. Но культурные области не становились их уделами (инджу); доходом с них не могли поступать в собственность царевича. Для которого находилась по отношению той или другой культурной области, а распределялась между катаном и членами вассальных улусов, между всеми членами ханского рода. Зато отдельные царевичи владелись улусов, как же, как и сам катан, получали вассальное количество мастеров ремес-

сленников, художников и других подобных полезных лиц, которыми могли распоряжаться по своему усмотрению и которых могли поселить в том или другом месте... Во главе же культурных областей стояли ханские наместники (даругачи), ответственные перед каганом, в финансовые дела которых, как и вообще в дела по управлению оседлым населением, царевици-владельцы уделов вмешиваться не могли. Каган, стоя во главе всей империи, мог иметь свой собственный удел (инджу), с улусом и нутуком (юртом) и собственные поселения мастеров и ремесленников; кроме того кагану принадлежала аристократическая гвардия, о которой говорилось уже выше.

Принцип совместного господства ханского рода выявляется также в сеймах-курултаях, на которых избираются каганы, обсуждаются и решаются различные важные для всей империи дела. И в данном случае взгляды Чингиса не изменились по сравнению с прошлым. Курултай попрежнему остался, по его системе, съездом ханских родичей и монгольской военной аристократии, обязанным подчиняться кагану — главе империи, который властвует «силою Вечного Неба» (мэнке тенгри-йин кучундур).

Чингис-хан сам выбрал себе преемника; выбор его пал на третьего сына, Угедея, и в этом

избрании проявилась обычная проницательность монгольского императора и его знание людей. Из четырех сыновей Чингиса, рожденных от его старшей жены, Борте, — Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй, никто не унаследовал гениальных способностей отца, ни его железной воли, необходимой для главы такой империи, как монгольская. Поэтому Чингис и остановился на Угедее, который отличался великодушным и гуманным характером, умевшим привлекать сердца всех своим обращением, но в то же время обладавшим достаточной твердостью воли, чтобы не подчиняться чужим влияниям и интригам и проявлять, в необходимых случаях, строгость. Чингис предпочел его и своему любимцу Тулюю, смелому воину и талантливому полководцу, и Чагатаю, суровому исполнителю всех установлений своего отца, знатока его «Джасака», которому сам Чингис придавал такое большое значение. Когда Чингис-хан объявил Угедее о своем решении и спросил его, что он скажет, Угедей отвечал: — «Отец! Ты благоволил приказать мне говорить; мне нельзя сказать, что не могу наследовать тебе; буду действовать усердно и благоразумно; только боюсь, что мои дети и внуки будут людьми без достоинств и не могут наследовать престола. Вот, что я могу сказать». — «Если все дети и внуки Угедея будут

люди неспособные, — заметил на это Чингис, — то, неужели из моих потомков не найдется ни одного порядочного».

Нет поэтому ничего удивительного, что впоследствии в среде монгольских царевичей и высшей монгольской аристократии создано мнение, что Чингис завещал выбирать каганов из линии Угедея. Прямо этого Чингис, повидимому, не высказывал; но, во всяком случае, озабоченный избранием главы созданной им империи в будущем, «Чингис-хан оставил наставление, чтобы заблаговременно избирать и утверждать наследника из законных сыновей того, который достоин и которому можно верить управление». Курултай не мог изменять решения кагана; не мог, конечно, курултай изменить воли Чингиса относительно избрания его преемника. Когда по смерти Чингис-хана царевичи и другие знатные аристократы устроили «великое собрание» на реке Керулене, то, по словам монгольского «Сокровенного сказания», «согласно завещания Чингиса, они провозгласили каганом Угедея и объявили о том Чингисовой десятитысячной гвардии и всем народам». Угедей вполне оправдал надежды своего отца, так прозорливо выбравшего именно его, потому что в царствование Угедея единство империи было сохранено и дружное господство ханского рода под главен-

ством кагана не нарушалось никакими смутами; планы и мечты Чингиса как бы осуществлялись в действительности. Угедей даже напел возможным вспомнить о благоденствии простого народа: — «Наш каган Чингис, — говорил он, — с большими трудами создал ханский дом. Теперь пора, доставить народам мир и довольство и не отягощать их». И действительно, Чингис созидал «ханский дом», потому что приложил «большие труды» для создания империи, которую мыслил, как вотчину, принадлежащую «ханскому дому», и хотел оставить свое достояние преемникам устроенным и организованным.

До конца дней своих Чингис-хан остался сторонником уйгурской культуры, уйгурской образованности, которую считал наиболее подходящей для своих монголов, проявив и в этом случае удивительную проницательность, как это было указано выше. Предпочтение уйгурской образованности не могло быть поколеблено знакомством с более высокими культурами Китая и мусульманского Туркестана, близкими сношениями с представителями этих культур, даже такими выдающимися личностями как Елюй-Чуцай и Чан-Чунь. Чингис-хан, думая, что скоро наступит то время, когда образованных монголов, усвоивших уйгурскую культуру, будет настолько много, что возмож-

но будет обходиться без содействия иноземцев при организации гражданского управления и замещения разного рода культурных должностей в империи. Он считал культуру, по крайней мере ту культуру, без которой невозможно строение империи и ее владычество над областями с оседлым, цивилизованным населением, вполне совместной с кочевым бытом и надеялся, что его преемники, по образцу данного им военного устройства, организуют и гражданское управление, проникнутое духом его «Джасака»; он надеялся на организованные силы своего кочевого народа, вернее сказать, степной аристократии.

Империя, созданная Чингис-ханом и руководимая указанными им началами, просуществовала единой еще лет сорок после смерти ее великого основателя; господство же рода Чингиса сохранилось в разных государствах, возникших после ее распада, в течение нескольких поколений; монгольские князья-феодалы, в большинстве случаев, правящие современными монголами, принадлежат к роду Чингис-хана. Кроме того на жизни разных государств, возникших на развалинах империи монголов, отразились черты ее устройства и долгое время сохранялись и сохраняются следы тех начал ее организации, которые заложены были Чингис-ханом. — Все это говорит об огромных

организаторских способностях великого завоевателя.

Но, в общем, можно сказать, что замечательные планы Чингиса потерпели крушение: его империя пала, а выведенные на широкую арену силою его военного и организаторского гения монголы не смогли на ней удержаться; они или были поглощены более многочисленными и культурными народами, среди которых им пришлось очутиться, или впали опять в то состояние, в котором они пребывали до рождения их гениального вождя.

Самой слабой стороной системы Чингис-хана оказались планы совместить цивилизацию с кочевым бытом и надежда — уверенность в том, что его род не подвергнется разложению, всегда будет дружно осуществлять совместное господство в империи под главенством хана, царствующего «силою Вечного Неба» до тех пор, пока будет придерживаться его «Установлений», его «Джасака», пригодного на вечные времена. То и другое оказалось невозможным: цивилизацию нельзя было совместить с кочевым бытом, а с другой стороны родовая солидарность, несмотря на «Джасак» Чингиса, ослабла под воздействием различных причин.

XVI.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЧИНГИСА

У Чингис-хана были четыре старших жены: Борте, Кулан, Есуй и Есуген, и по числу их четыре главные ставки (орду). Но кроме того, у него было еще много жен, в том числе дочь Цзиньского государя, и наложниц. Чингис, отдыхая у себя, любил видеть красивые женские лица, потому при нем всегда находились еще девицы для разных услуг; даже отправляясь в поход, Чингис-хан брал с собой своих жен, кроме того, его всегда сопровождал оркестр, «состоящий из 17 или 18 красавиц, весьма искусных в игре», — как повествует китайский генерал Мэн-Хун. Тот же писатель рассказывает следующее о Чингисе: — «Когда наш посланник, отправленный на север, представился их царю, то по окончании церемонии встречи, ему велено было сесть пить вино вместе с его женой, царевной Лай-Мань и восемью наложницами, которых величали дамами;

при всяком угощении и после они также присутствовали. Эти наложницы ослепительной белизны и красивой наружности; четыре из них суть княгини цзиньские, а четыре другие были женами татар; они весьма красивы и пользуются чрезмерной любовью».

Несмотря на это свидетельство вряд ли можно думать, чтобы Чингис-хан относился с «чрезмерной любовью» к своим наложницам, женщинам вообще. То, что он дожил до преклонных лет и до конца сохранил бодрость духа и тела, незадолго до смерти мог еще принимать участие в охоте, показывает, что он никогда не предавался излишествам разврата. Трудно сказать, — для этого у нас не хватает проверенного материала, — любил ли когда-нибудь Чингис настоящей любовью какую-нибудь женщину. Только монгольские предания говорят нам о том, что Чингис был сильно увлечен прославленной красавицей Кулан из рода Меркит. Рассказывают между прочим такой случай: представить Чингису девицу Кулан было поручено Ная, находившемуся у него на службе. Ная, опасаясь неприятелей, три дня продержал Кулан у себя и потом уже представил ее Чингису. Узнав о происшедшем, Чингис с гневом сказал: — «Строго допросив его, казнить». Когда его пытали, Кулан сказала: — «Ная говорил нам, что он вельможа хан-

ский, и что он вместе доставит меня. Так как на пути были возмутившиеся ратники, то он и оставил нас у себя. Если бы не встретили Ная, и он не оставил нас у себя, то не знаю, что сделалось бы с нами. Не пытай его; а, если будет твоя ханская милость ко мне, лучше освидетельствуй мою невинность». Ная говорил также: — «Я искренно служу своему господину и считаю долгом представить ему добытых в чужих землях прекрасных дев и добрых коней; кроме же сего, если есть у меня другие какие либо мысли, то пусть умру». Чингис сказал: — «Кулан говорит дело». В тот же день, освидетельствовав Кулан, он удостоверился, что она действительно не обещена. Зато Чингис еще более полюбил ее; Ная же отпустил, сказав: — «Это человек не притворный; после можно поручать ему важные дела».

Ревниво относясь к тому, что считал своею собственностью, Чингис, конечно, ревниво относился и к другим своим женам и наложницам. Так, сидел раз Чингис с двумя своими женами Есуй и Есуген, татарками по происхождению, и пил вино. Заметив, что у Есуй вырвался вздох, Чингис тотчас же почувствовал ревнивое подозрение. Действительно, не вдалеке от ставки был обнаружен какой то молодой человек, не принадлежавший ни к ка-

кому поколению, подчиненному Чингису. На вопрос хана, кто он, человек тот ответил: — «Я жених Есуй; когда ее схватили, я бежал. Теперь же, когда дело порешено, я вышел, надеясь, что в большой толпе народа меня не узнают». Чингис тогда понял, что перед ним один из татар, и отрубил ему голову со словами: — «Ты потомок моих врагов, и пришел сюда подсматривать; я умертвил их всех, так и о тебе нечего раздумывать».

Все-таки Чингис, когда это было надо, умел справиться со своей ревностью. Например, когда его жену, Борте, похитили меркиты, то отдали ее в жены силачу Чильгер. Отбив у меркитов Борте, Чингис попрежнему продолжал относиться к ней с любовью и уважением и считал ее своей старшей женой; только рожденным от нее детям были предоставлены права и звания царевичей.

Организовав поставление наложниц для хана и его сподвижников, Чингис иногда отдавал своих жен или наложниц своим отличавшимся полководцам. Так он отдал Джурчидею свою супругу Ибагу, дочь Джа-ган-бо, брата Ванхана керейтского. Чингис однажды увидел страшный сон; при нем тогда была его жена Ибагу, а в гвардейском карауле стоял Джурчидей. Чингис пожаловал тогда ему свою супругу в жены. Ибагу же Чингис сказал сле-

1

дующее: — «Я не то, что не возлюбил тебя за дурной нрав, или недостаток красоты, и не говорил, что ты телом нечиста, когда наметил тебя в число супруг своих. Я дарю тебя Джурчидею за то, что он оказал доблестные заслуги, в битвах рисковал жизнью и умел собрать отделившиеся народы... Отец твой, Джа-ган-бо, отдал за тобой повара Ашик-темура, с 200 человек; теперь уходя от меня, оставь мне на память Ашик-темура, с сотней человек».

Любимым удовольствием Чингиса была охота, любил он также хороших коней и вино, разделяя в этом отношении вполне пристрастия своего народа, но проявляя обычную свою сдержанность и знание меры. Преследуя пьянство в своих войсках, Чингис все-таки не шел на то, чтобы запретить совершенно употребление вина: — «Если нет уже средства от питья, — сказал он, — то должно в месяц напиваться три раза: если перейдет за три, проступается, если в месяц два раза напиваться, это лучше, а если один — еще похвальнее, а если не пьет, то что может быть лучше того. Но где найдут такого человека, который бы не напивался?»

Однажды Чингис спросил своего друга и сподвижника Богурчи-нояна, в чем он видит высшее наслаждение человека. Богурчи ответил, что высшим удовольствием он считает охоту,

когда можно ехать весною верхом на хорошем коне, держа на руке ловчего сокола. Чингис спросил затем Боругула и других полководцев, все они дали ответ, приблизительно такой же, как и Богурчи. — «Нет, — сказал тогда Чингис-хан, — высшая радость человека заключается в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собою, отняв у них то, чем они владели, видеть лиц, которые им были дороги, в слезах, ездить на их конях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен».

Это знаменательные слова. Они показывают, что привлекало больше всего в жизни Чингиса, характеризуют, до некоторой степени, его личность. Чингис-хана, значит, больше всего удовлетворяли результаты, плоды победы; его манят не удалые забавы, «шотехи богатырские», не слава, даже не власть, а обладание плодами победы над врагами, когда удовлетворяется жажда мести и обретаются новые блага жизни. Чингис-хан является перед нами воплощенным идеалом степного воителя, с его хищническими и практическими инстинктами. Чингис только своей страшной силой воли умел сдерживать эти инстинкты, управлять ими для того, чтобы иметь возможность добиться высших результатов. Сила воли, выдержка, способность избегать односторонних увлечений были, как это указывалось выше, основными чертами лич-

ности Чингиса. Он хотел всему знать место и время и требовал того же от своих сподвижников и подчиненных. Недаром монгольское предание приписывает Чингису такие слова: — «В обыденной жизни ведите себя подобно телятам двугодичным, во время же брани нападайте, как ястребы; во время пиров и забав будьте, как малые жеребята, а в бою с врагами нападайте, налетайте, как соколы;... в ясный день будьте бдительны, как матерый волк; в темную ночь осторожны, как черный ворон». Сам Чингис умел ждать и ждать.

Подчиняя всех и все своей воле, монгольский император умел сдерживать гнев и делал это по большей части, под влиянием рассудочных соображений. Так, например, Чингис-хан хотел однажды погубить своего дядю, Дааритая, за то, что он придерживался стороны Ван-хана керейтского и не примкнул к своему племяннику. Тогда Богурчи сказал Чингису: — «Губить своих родных то же, что гасить свой огонь; у тебя, в память об отце твоём, только и остался этот дядя, неужели ты решишься погубить его». Чингис был тронут, согласился с мнением своего друга-сподвижника и простил дядю.

Характерна в этом отношении встреча Чингис-хана с одним мусульманином, казием Вахид-ад-дином Бушенджи. Чингис неоднократно бесе-

довал с ним, расспрашивая об исламе. Однажды монгольский император заметил казию, что его, Чингис-хана, имя будет прославлено во всем свете, потому что он отомстил хорезмшаху Мухаммеду, который не был настоящим монархом, а разбойником, так как перебил его посланцев; государь не может убивать посла. Вскоре после этого Чингис спросил казия, что он думает, будет ли прославлено его имя в потомстве или нет? Вахид-ад-дин Бушенджи наклонил голову и сказал, что ответит, если хан обещает ему жизнь. Получив уверения со стороны Чингиса в своей безопасности, казий заявил хану, что некому будет рассказывать о славном имени монгольского императора, потому что его слуги избивают всех и все. Когда он окончил свою речь, Чингис-хан бросил на землю лук и стрелы, которые держал в руках, и в сильном возбуждении отвернулся от своего собеседника. Видя гнев грозного завоевателя, казий считал себя уже погибшим и думал, что ему тотчас же придется оставить этот мир. Но Чингис-хан через минуту обратился лицом к казию и сказал ему, что привык считать его за человека рассудительного, но что после этих слов его для него стало очевидным, что казий не обладает полным знанием. На свете много царей и царств; но если разбойник Мухаммед убежит куда бы то ни было, то те места подвергнутся

разгрому. О нем же, о Чингис-хане, сохраняют память другие народы, другие цари, государи иных стран.

Много случаев можно привести еще, по сообщениям достоверных источников, о том, как Чингис-хан умел укрощать свой гнев; он находил даже возможным не карать иной раз особенно строго нарушения военной дисциплины, которую, вообще, вводил в своих войсках с неумолимой суровостью. Так, например, во время похода на запад Чингис-хан отправил три корпуса под командой Джебе, Субедея и Тогучара преследовать хорезмшаха Мухаммеда, приказав им не трогать владений гератского наместника Мелик-хан Амин-аль-мулька. Джебе и Субедей исполнили это приказание, но Тогучар-багатур произвел опустошения в указанных землях. Чингис-хан, получив сведения, «Джебе и Субедея наградил за храбрость, а Тогучара, за нарушение его приказа, хотел казнить смертию, но не казнил, а только выговорил ему, наказал его и отставил от начальства над войском».

Чингис, установив строжайшую железную дисциплину в своих войсках и установив порядок в своих владениях, всегда отличался щедростью, великодушием и гостеприимством, вполне осуществляя в глазах своих сподвижников идеал степного богатыря-аристократа.

Описания же его встреч с Чан-чунем, сунским посланником и разными представителями мусульманского и уйгурского мира показывают, что Чингис и по отношению к иноземцам, в особенности по отношению к тем, кого он считал полезными себе, мог проявлять те же качества.

Но Чингис-хана привыкли представлять себе жестоким и коварным, грозным деспотом, совершающим свой кровавый путь по горам трупов избитых им мирных жителей, по развалинам цветущих когда-то городов. И действительно, разные источники сообщают нам о кровавых деяниях монгольского завоевателя, о массовых избиениях врагов, о том, как он в ранней юности убил своего сводного брата, Бектера.

Читая обо всем этом и зная в то же время совсем другие стороны характера Чингиса, может казаться, что душевная жизнь монгольского завоевателя была сложной, что это была странная двойственная натура, совмещавшая в себе кровожадного тирана и былинного богатыря, варварского разрушителя и гениального создателя, строителя. Но так ли это было в действительности?

Внимательное, научное изучение источников приводит современного беспристрастного исследователя к убеждению, что Чингис, ни в то

время, когда был ещ Темучином, ни после, когда стал Чингис-ханом монгольским, никогда не отличался кровожадной жестокостью, ни страстью к безудержному разрушению. Как бы ни были гениальны его способности, Чингис был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому его и надо рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара. Тогда легко будет убедиться, что Чингис-хан даже во время своих больших войн и походов никогда не обнаружил какой то особой жестокости и кровожадности, которая бы превосходила то, что совершалось предводителями войск других народов той эпохи. Чингис-хан, как и другие великие завоеватели всех времен и народов мог спокойно уничтожить свой или неприятельский отряд, мог, если считал это выгодным и полезным для своих целей, даже перебить население какого нибудь города, но зато он никогда не прибегал к бесполезным зверствам, никогда не проявлял варварской жестокости по отношению к пленным врагам, чтобы утолить жажду мести. А между тем его же современники, даже представители гораздо более культурных народов, не только предавали на своих глазах, как например, Джелаль-ад-дин, мучительной смерти взятых ими в плен врагов, но и находили себе

восторженных восхвалителей их варварских поступков. Чингис-хан никогда и помыслить бы не мог приказать устраивать башни из 2.000 живых людей, которых кляли друг на друга и засыпали затем глиной и кусками кирпича, какие сооружались по приказанию другого азиатского завоевателя Тимура (Тамерлана), мировоззрение которого было в тоже время гораздо шире мировоззрения Чингис-хана.

Сдержанный, дисциплинированный и глубоко практичный степняк-кочевник, каким был и остался до конца дней своих, Чингис уже из простого расчета не мог и не хотел быть кровожадным убийцей, как никогда не хотел быть бессмысленным разрушителем культурных поселений, хорошо понимая, какую пользу могут доставить земли с оседлым, культурным населением своим кочевым господам. Это не мешало, конечно, Чингису порой предавать тот или другой город разрушению, раз это было вызвано потребностью войны, или военной политики.

И в частной, личной жизни Чингиса нельзя указать случая, который бы обнаруживал особую жестокость монгольского кагана. Все источники, наоборот, приводят нам гораздо больше показаний о великодушии Чингиса и в особенности о его выдержке, о которой приходилось уже говорить несколько раз. Поэтому

даже убийство брата Бектера и другие убийства и казни, совершенные по приказанию Чингис-хана, принимая в соображение нравы и воззрения той эпохи, нельзя рассматривать, как подтверждающие кровавую жестокость характера Чингиса. Злодеяния, которые совершил Чингис или готов был совершить, находят себе смягчающие обстоятельства в воззрениях той среды, в которой жил Чингис, и в нравственных и религиозных воззрениях, которые питали его душу: он был и остался первобытным кочевником шаманистом со смутным представлением о нравственной ответственности перед Вечным Небом и духами-покровителями, с гораздо более развитыми инстинктами практического захватчика для себя и своего рода.

Прибегая на войне к хитрости, а подчас и к вероломству, Чингис в частной, личной жизни не проявлял этих качеств и ценил в людях их прямогу, что приходилось уже отмечать выше неоднократно. Но зато Чингис-хан, несомненно, отличался подозрительной жадностью, ревниво оберегая свое достояние.

Грозный завоеватель, совершивший большое количество походов, руководивший столькими битвами и осадами, Чингис-хан, повидимому, не отличался особой личной храбростью, полководец побеждал в нем воина; во всяком случае он очень далек был от романтического

героизма, не обладал также Чингис и темпераментом искателя приключений. Если ему и приходилось в молодости проявлять удаль и личную храбрость, то впоследствии, став ханом, Чингис всегда находился в таких условиях, что проявление личного мужества на войне для него было невозможно: он всегда руководил сам военными действиями, руководил и отдельными боями, но лично не сражался в рядах своей кавалерии, хорошо понимая, что это не дело полководца.

Однажды Бала-ноян, сподвижник Чингис-хана, обратился к нему с вопросом: — «Тебя называют господином могущества и богатырем: что видно на руке твоей из знаков завоевания и победы»? Чингис-хан ответил ему тогда так: — «Прежде того, как я сел на престол царства, однажды ехал я один по дороге. Шесть человек, устроивши засаду на проходе моста, имели покушение на меня. Когда я подъехал близко к ним, вынув саблю, я бросился на них. Они осыпали меня стрелами: все стрелы не попали и ни одна не коснулась меня. Я передал их смерти саблей и проехал там невредимо. Во время возвращения мне пришлось проезжать мимо тех убитых: шесть их мериноров бродили без хозяев. Я увел всех шестерых мериноров».

Вот «знак завоевания» по мнению Чингиса:

Небо не допустило ему умереть случайной смертью, наоборот, он перебил своих врагов и завладел их конями. Чингис-хан всегда так смотрел на самого себя. Небо, Вечное Синее Небо отдало ему и его «золотому роду» Монгол, господство над всеми «поколениями, живущими в войлочных кибитках», над другими соседними народами, над всем миром, надо, значит, устроить своих сподвижников так, чтобы они шли за своим представителем к верным победам и могли бы наслаждаться счастьем завоевателей: Чингис дает боевую, военную организацию и свой «Джасак», которые пригодны, как для главенства над маленьким племенем-улусом, так и над всем миром. Тот, кто будет держаться этих установлений и впоследствии, с таким же правом, как сам Чингис-хан скажет: — «Небо повелело мне править всеми народами». Таково было мировоззрение «гениального дикаря».

Говорят, Чингис-хан был громадного роста, крепкого телосложения и имел «копачьи глаза».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
I. Монголы XII века	11
II. Рождение и ранние годы Чингис-хана	18
III. Юные годы. Женитьба Чингиса.	28
IV. Возвышение Чингиса	35
V. Об'единение Чингис-ханом монгольских племен и образование кочевой державы. Борьба с Ван-ханом.	48
VI. Борьба с найманами. Конец Джамуги	64
VII. Чингис-император. Организация его им- перии	70
VIII. Борьба с шаманом Кэччу	87
IX. Походы на Тангут и Китай	94
X. Чингис в китайском походе. Встреча с Елюй-Чуцаем	110
XI. Перед походом на запад	114
XII. Поход на запад	121
XIII. Военные действия Чингиса в Туркестане, Афганистане и Персии	130
VIX. Поход на Тангут. Смерть Чингис-хана	146
XV. Наследие Чингис-хана	152
XVI. Личная жизнь Чингиса	161

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

OCT 1 2001
OCT 1 2002